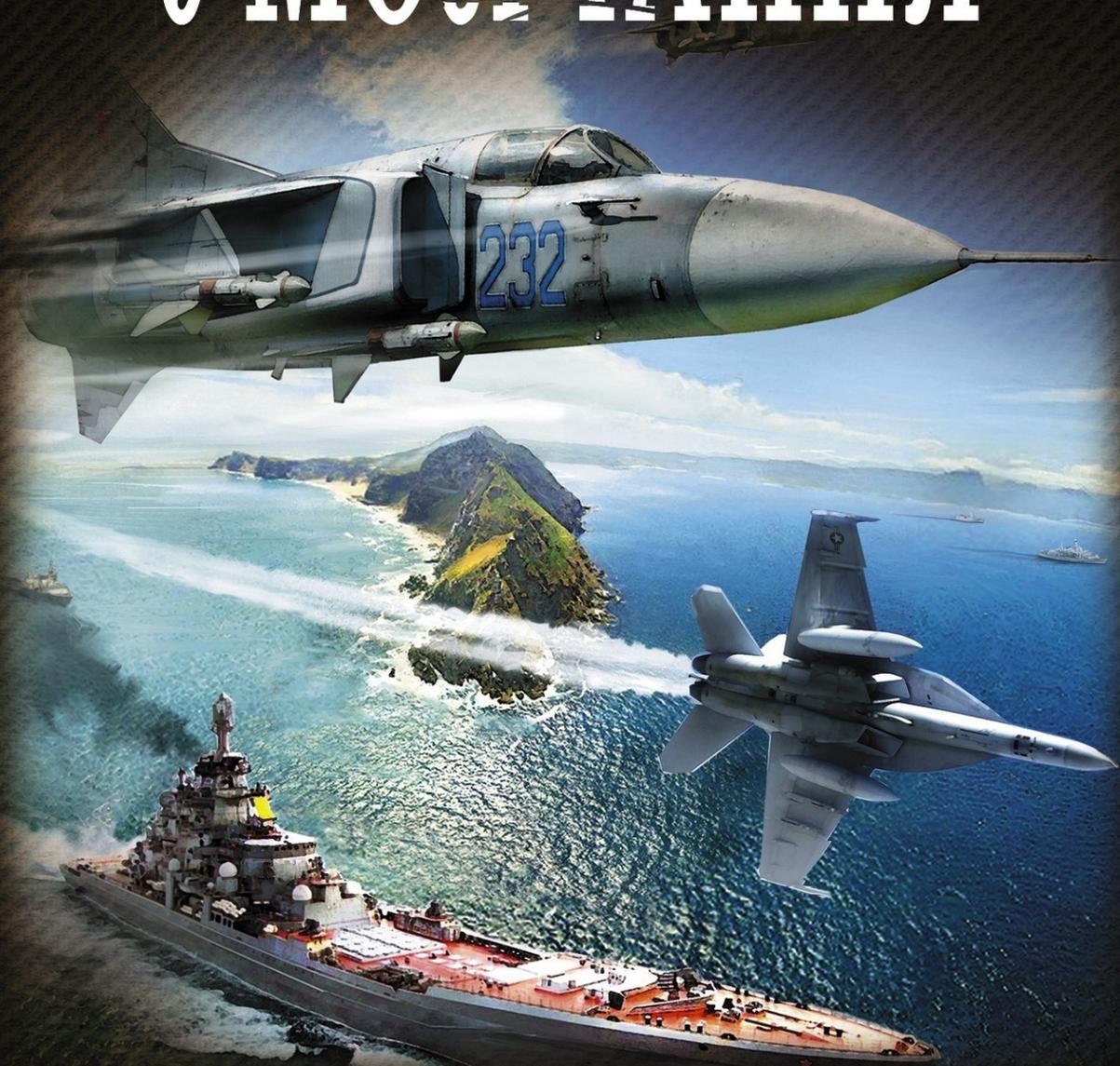

Александр Плетнев

ФАКТОР УМОЛЧАНИЯ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Проект «Орлан»

Александр Плетнёв
Фактор умолчания

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Плетнёв А. В.

Фактор умолчания / А. В. Плетнёв — «Издательство АСТ»,
2019 — (Проект «Орлан»)

ISBN 978-5-17-116978-7

Беспримерный поход «Петра Великого» завершился с приходом корабля в Камрань. И крейсеру необходимо перейти в метрополию, непосредственно в базу флота, в СССР. А в Вашингтоне, в ЦРУ, в штабе флота, уже скроили планы и... И маневрируют в позиции авианосцы, подвешиваются ракеты под крылья самолетов, выходят на рубежи субмарины. На что рассчитывают? Чего хотят? Сатисфакции? Или здесь замешаны более глобальные смыслы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116978-7

© Плетнёв А. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Владимирович Плетнев

Проект «Орлан»: Фактор умолчания

© Александр Плетнев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

«Двухтысячные». Предвосхищая

Преодолев за 208 земных суток 200 миллионов километров, посланец NASA, исследовательский робот «Spirit» достиг Марса, точно рассчитанной траекторией вонзившись в атмосферу планеты.

Посадка – один из самых тревожных моментов: сработал парашют, тормозя падение... Поверхность!

Попрыгав на пневматических амортизаторах, спускаемый аппарат, наконец, замер, стабилизировался.

Воздушные подушки опали, обнажив колесную машину, вертикально поднялась штанга с камерой обзора, и под ликующие возгласы и, как это водится у американцев, победные хлопки в ладоши пошли первые изображения Красной планеты.

Впрочем, радость ученых была обоснованна и законна – несколько лет работы над амбициозным проектом увенчались полным успехом.

После некоторых сложностей 185-килограммовый «Спирит» съехал с посадочной платформы.

– Эти три метра едва ли не самые важные в истории человечества! – Шутя и с пафосом отметил один из участников программы в центре управления¹.

Тремя неделями позже в другом районе Марса успешно приземлится однотипный «Opportunity».

– Мы вошли в историю! – с воодушевлением скажет на пресс-конференции представитель NASA. – Мы были первыми на Луне, ныне наша робототехника изучает Красную планету.

Мировые информационные ресурсы насытились серией фотографий – чуждые пустоши желтовато-красного оттенка.

Прекрасного качества, надо сказать – пусть Марс и получает меньше света от Солнца, а запыленность по мере отдаления дает естественное ухудшение картинки, марсианская атмосфера все-таки тоньше и прозрачней, перепады по контрастности, яркости и цвету гораздо меньше, чем на нашей родной планете.

Однако вскоре интерес журналистов поутих, сенсаций и «зеленых человечков» не обнаружилось – песок да камни... и скука. Любопытство и увлечение проектом поддерживалось лишь в научной среде и энтузиастами-любителями.

Спустя восемь лет по безжизненным пустыням Марса будет бродить еще один колесный робот – «Curiosity», массой почти в тонну², передавая видеоизображение чуть ли не онлайн.

Вообще и конечно это титанический труд, несомненное достижение технического гения! Только представить – по другой планете, которая невооруженным глазом видна лишь как звездочка, одна из многих на черном фоне космоса, ползает творение рук человеческих!

А Луна, оговоримся, уж, как ни крути, видится столько близкой, что кажется, только протяни руку – достанешь...

И там, на Марсе, умная машина, почти одушевленная своими «радителями-родителями», отработывает самостоятельные алгоритмы, подчиняется командам операторов, получая задания и выполняя их.

---

¹ Перифраз знаменитой фразы Н. Амстронга, сказанной им после высадки на Луне.

² Масса марсоходов дана в соответствии с земной силой тяжести. На Марсе они весят примерно в два с половиной раза меньше.

И чтобы понять, насколько это кропотливая и ответственная работа, надо озвучить некоторые моменты.

Каждую смену ровер ведут три специалиста: «водитель», оператор по использованию роботизированной руки и инструментальщик.

Но это оперативная верхушка. Всего наличествует 16 «водителей» и целая команда обеспечения (почти 100 человек), следящая за различным оборудованием.

Первая видимая проблема управления – задержка сигнала с марсохода и ответной команды с Земли... даже со скоростью света ему (сигналу) нужно примерно от 5 до 20 минут в одну сторону, от планеты к планете. И обратно.

Об интерактивном режиме управления говорить не приходится... увидев впереди препятствие, оператор должен понимать, что реакция робота будет запоздалой.

В связи с этим система управления включает в себя целый комплекс условностей – специальный редактор, имитирующий ряд параметров, производящий симуляцию базовой телеметрии и трехмерного изображения окружающей местности, заранее прорабатывающий последовательность команд и ближайший маршрут движения.

Тем не менее эти данные всегда могут содержать погрешности измерений, грозящие марсоходу сложной ситуацией. Так, просчетами аварийно был потерян увязнувший в песчаной дюне «Спирит».

* * *

Зафиксированное восемь солов³ назад стремительное прохождение марсианского смерча при детальном рассмотрении выявило оголение части каменных образований, в которых предположили искомые коренные горные породы.

А оказавшийся таким удачным «пылевой дьявол»⁴ ко всему еще ветром очистил панели солнечных батарей от пыли, и ровер, вбирая зарядкой скупой свет далекого солнца, резво покатил к заданной цели.

Вскоре, по мере ухудшения условий вследствие каменистости ландшафта, ход в автоматическом режиме стал снижаться.

– Идем 3,8 сантиметра в секунду, – наконец вносит показание в звуковой журнал «водитель», бросив взгляд на специалиста-инструментальщика, – готовься, но... часа два-три у нас есть, пока добредем до оптимального места.

– Момент, парни, – доносится по интеркому голос контрольного оператора. Камера цепляет отдаленный предмет с подозрительно прямыми углами, наводясь, накатывая увеличением и... снова уходя. – Господи! Что это?! Вы видели? Верните изображение!

Дается команда: азимут, максимальное приближение, фокусировка на объект. Сигнал со скоростью света уходит на спутники-ретрансляторы, а от них, уже покрывая двести чертовых миллионов километров бездны, пробивает разреженную атмосферу Марса. Где-то там, медленно ползущая по поверхности планеты машина выполняет указание – фиксируясь на нужном направлении, делая серию снимков. «Разбитый» на цифровую кодировку сигнал с данными уносится обратно.

В центре управления за сорок минут ожидания прежние кадры уже успели неоднократно «отмотать» назад, пропустили через необходимые программы, фильтры, «отшелушивая» помехи и нечеткости.

---

³ «Солом» называют марсианские солнечные сутки, равные 24 часам 39 минутам.

⁴ Вихревое движение воздуха получило разговорное название у англоязычных «пылевой дьявол».

И уже проведены сравнительные аналогии, нашлись и нужные знатоки, разобравшие, почти угадавшие – что же там отыскал робот! Начальник смены ерошит волосы, нервно курит, стряхивая мимо пепельницы:

– Этого не может быть!

Наконец сигнал приходит, вокруг мониторов уже толпятся, склонившись, повиснув друг на друге: на экране, посреди ржавой марсианской пустыни – плоский предмет красного цвета в форме параллелепипеда, по оценке размером с ладонь. Читается вычурная надпись кириллицей «Прима». И уже четко при наведении резкости видно более мелкое «Минздрав СССР предупреждает, курение вредит вашему...».

Дальше присыпано песком.

* * *

А согласитесь, забавная была бы шутка – подкинуть конкурентам беспилотным аппаратом на пути нечто подобное... и думайте, господа из НАСА, что хотите! Если бы не совсем мизерные шансы у этой провокационной пачки сигарет быть найденной где-то у черта на куличках за пару сотен миллионов километров на тысячах квадратных метров площади.

Да и кому в здравом уме придет такая идея ради призрачной потехи, отбирая у столь драгоценной полезной нагрузки межпланетного корабля эти лишние граммы.

А стало быть, что – долетели?! И тут, понимаешь, безалаберные куряки умудрились набычковать, вытряхнуть за борт пепелки, намусорив?! (Конечно, никто в здравом уме и не помышляет о том, чтобы высунуться из скафандра в убийственно-разреженную атмосферу Марса на пару затяжек!)

А полную скрытность и секретность столь грандиозного проекта, как пилотируемый полет на Марс, вполне можно объяснить репутационно-политическими рисками для страны, для руководства, при вполне вероятном провале миссии. Не афишируя преждевременно успех, а тем более наоборот.

Или же это вообще была дорога в один конец?

Уж поверьте, добровольцы бы нашлись – увидеть так называемый «париж» и умереть.

Подобные рассуждения умозрительного и одновременно эмпирического характера могут увести к интересным толкованиям.

Человечество в своем развитии на всяческих его стадиях неизменно опиралось на инстинкты и целесообразность... попутно срываясь на эмоции, амбиции и заблуждения, включая и религиозные – не без того. Переживая упадки и восстановления, войны и мирные процветания, оно (человечество) оказалось весьма гибким и стойким инструментом приложения собственного разума и усилий.

Двадцатый и двадцать первый века в христианском летосчислении последовательно вылились в логику технического развития, находя ответы на многие вопросы, кои в глобальных сферах пусть и вызывали лишь новые. Но так или иначе, научно-техническая революция сняла с пьедесталов далеких мифических богов, уведя их за какую-то иную грань. Различные культуры и отдельные социумы порой шатало, но тем не менее выявлялась убежденная тенденция – человечество может достичь многого, стоит только приложить к этому нужные старания и энергию.

А небо, звезды (тот самый космос-вселенная) всегда были выражением мечты! Мечты воспарить, как птицы, достичь вершин, постичь неведомое (тут, кстати, опять можно примешать и религии, и недоступных богов).

И казалось – не остановить! После Луны о Марсе говорили как о само собой разумеющемся.

Но вот как-то не сразу, плавным самотеком... первым из космонавтики ушел «героизм». А за ним на второй план отступила «романтика».

Приоритетным встал вопрос «рентабельности». Да так, что даже престиж и военные потребности не покрывали амбиций большой политики.

Среднестатистическому обывателю и вовсе вскоре все это надоело.

Будто мода на космос ушла... прошла.

А уж сейчас-то, в наш повязанный сетевой паутиной онлайн-век знаем мы, что пришло на смену. Какая нынче массовая мода, и вся жизнь словно строится по киберпанку, по кибер-моде. Неправда ли?

Конечно, продолжают копошиться еще в своих «синхрофазотронах» ученые...

Умные правительственные головы кидают в эту бездонную бочку средства...

Иные из них – вожди (!), вполне допустимо, что и бывшие мечтатели, а ныне закоренелые старперы-прагматики, пытаются, консолидируют электорат будущими победами, сотрясая воздух громогласным «мы к тридцатому году высадимся на Марс»!

И работы наверняка ведутся. Незаметные.

Ф-фы-ы! – селфи-блоги дурочек, да и дурачков в новостных топах держатся дольше.

* * *

Высадка русских на Луне произошла и прошла буднично.

Особой сенсации из этого не получилось, потому что «долго запрягали», заранее объявив «что», «почем» и «для чего».

Но что-то там у них не ладилось. Здоровенная, собранная из отдельных сегментов прямо в космосе штуковина висела, переведенная на дальнюю орбиту. «Протоны», «Союзы», крылатые «Молнии»⁵ сновали туда-сюда, доставляя грузы, сменяя экипажи... и пока еще не имеющий названия ТЭМ (транспортно-энергетический модуль) постепенно и планомерно обзаводился новыми элементами.

Постоянное движение вокруг этого проекта уже привычно отслеживалось космическими агентствами других держав. Американцы вознамерились «городить» нечто подобное, но после очередного рейса при вхождении в плотные слои атмосферы разбился челнок «Индевор».

NASA в очередной раз приостановило программу «Space Shuttle» и... уже как бы не окончательно.

Как раз на «свет» выполз некий Илон Маск – «популистский предводитель космических команчей», обуянный идеей спускаемого ракетносителя. Но уже было очевидно, что Штаты «не тянули»!

А у русских черед тестирований, проверок, пробных запусков и маневрирований уже на ядерно-электрической тяге, совершенно неожиданно вывела ТЭМ на орбиту давнего спутника Земли... Луны.

И как оказалось – в обойму космического корабля был включен спускаемый лунный модуль.

Пошумело в СМИ – покричали, поаплодировали, позавидовали, позлорадствовали. Кого уж особо волновало – военных и опять политиков.

Сделано было официальное заявление, озвучены перспективы, на Родине прошли торжества, просыпались награды. Показан лунный фильм! Посадка русских случайным образом произошла в юго-западной части моря Спокойствия⁶, и на этой частности, пожалуй, можно было бы сделать особое примечание.

---

⁵ «Молния» – проект небольшого крылатого корабля, оснащенного подвесным баком; запускается с самолета-разгонщика.

⁶ Именно там осуществил прилунение спускаемый аппарат «Аполлона-11» и впервые был осуществлен выход астронавтов

* * *

– Чем вы руководствовались и как объясните решение командира поступить именно так? – Допросом это не назовешь – процедура почти штатная, но представитель «органов» старательно изображал строгость.

Разговор шел о некоем недостойном пиетете. Однако сидящий напротив второй пилот корабля, недавно вернувшегося с Луны, лишь прятал улыбку – ни там (на месте посадки «Аполлона-11»), ни здесь – к этому «ответственному товарищу», ничего подобного он не испытывал:

«Нет! Конечно – прилуниться и потоптаться по “истории”, по, так сказать, “легендам”, однозначно сердечко замерло на миг... и отпустило!»

– Я понимаю, – тянул сгущающими интонациями человек в штатском, – у вас, у космонавтов, возможно, существует некая профессиональная солидарность. И вероятно, вы просто хотели восстановить рукотворный, хм... исторический памятник американцев на Луне...

– Видите ли... – «летун» тянул улыбку и свой нежданчик, – дело в том, что «звездно-полосатый», э-э-э... флаг США – он как стоял, так и стоял. Уж более тридцати лет! Версию, что он упал от лунотрясения, уже разнесли журналисты.

– Как это?

Наблюдать туповатое непонимание было донельзя приятно:

– Вы ж знаете, как оно сейчас у нас в международном плане – напряженность.

С юсовцами, как всегда, отношения, что та синусоида – вверх-вниз. А сейчас вот опять – вонючее общественное мнение западных демократий, санкции, все им, гадам, в нас не нравится. Вот мы и подумали – создать благоприятный образ «русских». Там на «месте Амстронга» сначала осмотрели все аккуратно... Поверьте, это было далеко не так-то просто – не оставить, «замести» свои следы на лунной пылочке. В общем... завалили мы американский флаг... а потом сняли благочестивый фильм, какие мы все расхорошие и благородные – пришли, подняли его, заново укрепили, как вы сказали, «профессиональной солидарностью восстановив исторический памятник американцев на Луне»!

Заслуженному летчику, отмеченному звездой Героя, тоже стало вдруг скучно – все постфактум уже было согласовано, обмусолено с командиром отряда космонавтов и с «генеральным»⁷. Честно... хотели позубоскалить.

Но глянув на озадаченное лицо «слуги народа», как-то скомкалось... (сидит в нас какая-то патологическая нелюбовь к «правлящей партии», какой бы она расхорошей ни была).

Неизвестные «восемьдесятые»

– Задачи, вставшие перед партией, перед страной и народом... – Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов сделал тяжелую паузу... понимал и чувствовал – не с того начал.

Юрий Владимирович взглянул на собравшихся: длинный стол, повернутые во главу внимательные лица. Были приглашены видные конструкторы производственных институтов страны, представители Госкомиссии Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, руководители ОКБ⁸. Товарищи серьезные, ответственные, теперь обремененные новыми подписями и формами допуска к исключительным секретам. В тех сложившихся исходных условиях, когда факт «гостя из будущего» известен американцам, скрывать правду от «своих» было бы неразумно и не практично, особенно от производственников.

на лунную поверхность.

⁷ Видимо, имеется в виду генеральный конструктор.

⁸ ОКБ – общепринятое сокращение для «опытно-конструкторское бюро». Или особое (отдельное) конструкторское бюро.

Одним из сложных моментов была дозировка информации: кому можно знать все, а кому следует подавать ограниченно, с учетом иерархического положения, общественно-политической или вот – профессиональной сферы деятельности.

«Кое-что вообще бы “вырезать” и забыть, как страшный сон, – Андропов едва заметно тряхнул головой, будто отгоняя наваждение, – однако со временем, несмотря на все жесткие меры, утечка информации все равно будет происходить. Допустимо, что кое в чем она даже станет полезной. Но именно как “утечка” – например, показать весь негатив и пагубность “развала страны”. Однако скрыть некоторые щекотливые моменты определенно стоило бы. Особенно купировать любые альтернативы национального сепаратизма».

После обрушившихся на голову «знаний будущего» все эти отмеренные ему дни последнего года, половина из которых пройдет в управлении страной с больничной койки, Юрий Владимирович подчинял единому алгоритму – «исправить, переиначить, не допустить»!

«Чем ты взрослей, тем быстрее летит время».

Помнил, как в детстве – казалось, весь мир перед тобой и «сто лет» впереди! Так нестерпимо спешилось жить, а оно (время) все тянулось, никак не отпуская из подштанников.

Теперь, особенно муторными ночами, горизонт событий сузился до приплюснутой светящейся точки... и ты летишь туда, к ней, будто вниз к небытию, и только звезды в черноте светлячками проносятся мимо.

С возрастной бессонницей свыкаешься, как с неизбежным злом. И даже поднимая себя в шесть утра, кряхтя и постанывая...

...загнав день в дела и работу до самой полуночи – когда глаза уже отказывались концентрироваться на буквах-строчках...

...и когда уж затемно, наконец, проглотив регулярные таблетки, уронишь голову в податливую мягкость подушки...

...предатель-организм все равно продолжает ворочаться. А раздерганный волнениями мозг никак не успокаивается, до самого утра перепутывая сны-видения с дневными тревогами.

Москва.

Два месяца ранее

– Из сообщений специальной комиссии по делу «крейсера-близнеца» на Дальнем Востоке в Кремль, код доступа «Туман»:

«Факт захода ТАРКР⁹ “Петр Великий” (“объект 099”) в порт Камрань (Вьетнам) послужил положительным поводом форсировать материально-техническое обустройство пункта № 720¹⁰. Из дальневосточных портов СССР транспортными судами была налажена доставка полного перечня строительных материалов, горюче-смазочных, авто и спецтехники, других необходимых средств обеспечения и инфраструктуры. Включая грузы сугубо военного назначения.

Обратным ходом во избежание порожнего перегона, суда частично, насколько возможно, грузились продукцией народного (в основном сельского) хозяйства Вьетнама, об этом намеренно официально декларировалось, так как все эти мероприятия одновременно являлись “ширмой” для доставки в Советский Союз снятых с “Петра Великого” систем вооружений и радиоэлектронного оборудования.

Стоит отметить, что часть боевых комплексов ТАРКР являлась глубоко интегрированной в основные системы крейсера, и в целях сохранения последующего безопасного движения корабля демонтажу не подлежали.

---

⁹ ТАРК – тяжелый атомный ракетный крейсер.

¹⁰ ПМТО № 922 – пункт материально-технического обеспечения ВМФ СССР в Камрани.

Камрань, 1073-й зональный узел связи, оперативный уполномоченный особого отдела КГБ полковник Семенов».

– Вы сказали, что «обратным ходом суда грузились насколько возможно», – вдруг решил уточнить этот момент председательствующий на совещании генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов, – почему не полностью?

– Что с них взять, с Вьетнама – нищая страна, – пренебрежительно пояснил министр обороны маршал Устинов, – сами голодают, сидят на нашей шее.

– У вас еще что-то есть? – Удовлетворившись ответом, генсек снова обратился к докладчику.

Тот отложил донесение, вынув еще листы:

– Так точно. Есть дополнение из других источников. Решение о частичном демонтаже боевых систем «объекта» было продиктовано необходимостью скорейшей отправки секретных артефактов на предприятия ВПК, поскольку время ремонта повреждений крейсера оставалось неопределенным, как и его простой в базе, где оставались риски диверсионного вражеского воздействия. Выбор за морским трафиком был продиктован обострившимися обстоятельствами, после того как транспортный самолет Ан-12, следующий из Камрани в Кневичи¹¹, пропал над Восточно-Китайским морем. Сейчас уже можно констатировать гибель самолета. Причины неизвестны. По данным метеосводки, на время перелета на маршруте небо над центральной и северной частью Восточно-Китайским моря было забито мощно-кучевой облачностью. Отмечалась плохая проходимость радиоволн. Ориентируясь по последнему и пропущенному сеансу связи, можно сказать, что борт до Цусимского пролива не долетел.

Последующий поиск самолета не дал никаких результатов – ни следов крушения, ни кого-либо спасшегося. Погибли восемь членов экипажа и четверо гражданских лиц – специалисты-судоремонтники. Груза на борту не было. Американская, японская стороны, а также Китай на поданные запросы причастности к катастрофе ответили естественным отказом. Однако активность военной авиации в данном регионе всех трех фигурантов заметно повысилась... из чего строятся самые радикальные версии. Присовокупив к этим фактам сведения, полученные по линии контрразведки, после анализа и расчета рисков, альтернативный вариант воздушного моста напрямую из Камрани в Ташкент через Карачи (Пакистан), также был отклонен. У меня всё.

Крючков¹² бросал выжидающие взгляды на «генерального». Юрий Владимирович не спешил комментировать, будто пребывая в задумчивости или недовольстве. Молчали и остальные присутствующие. Генерал-лейтенант решил высказаться по другим соображениям:

– Пентагон поставлен в щекотливое положение. Потерю военных кораблей можно каким-то образом утаить. Есть разные способы. У нас, насколько я знаю, существует практика регулярно менять на кораблях тактические бортовые номера, чтобы сбить разведку противника с толку. Это вполне сгодится у нас и, конечно, для внешнего наблюдателя. Но внутри системы, среди американских флотских, это сработает в меньшей степени. А как они объяснят гибель людей? Точных сведений по людским потерям у нас нет, но только на авианосце «Карл Винсон» находилось более пяти тысяч человек личного состава, включая авиакрыло. Как им данную проблему решить с помощью традиционных методов? Объявят как несчастный случай на учениях? Журналисты (а среди иностранных найдутся не купленные, независимые) наверняка сопоставят неожиданную убыль с недавно тиражированной охотой за «Красным пиратом».

– Нам тем более об этом надо помалкивать, – встречно проронил Устинов, – как бы ни хотелось в целях пропаганды объявить о победе русского оружия. Так что оставим проблемы американцев американцам.

---

¹¹ Кневичи, база морской авиации – 183-й мрп (морской ракетноносный авиационный полк).

¹² Крючков Владимир Александрович, генерал-лейтенант – начальник Первого главного управления КГБ.

– Странно, что сам Рейган отмалчивается. Совсем недавно, буквально вчера телефонная трубка грелась в переговорах, а сегодня... – Андропов совсем переменялся в настроении, вновь вспомнив об этом «недавнем». – Очень избирательный подход: на Тихом океане идет настоящая маленькая война – практически две авианосные группы против одинокого тяжелого крейсера, по всем видам русского происхождения, как они его именуют «Kirov-class battlecruiser»... а президент США как ни в чем не бывало ведет со мной беседы по другим вопросам, в частности пытаюсь остановить арабо-израильский конфликт. И я в полном неведении!

– Мы знали, – вступился Устинов, – мне докладывал Горшков, космическая разведка давала сравнительно точную информацию. Другое дело, что мы не могли и подумать...

– Однако американцы смогли! Смогли раньше нашего установить нетривиальную, что уж, невероятную истину.

Крючков извлек два листка со стенографическими распечатками, подав Андропову:

– Сегодня предоставили. Аналитические выводы лингвистов-англоведов, сделанные по записям ваших переговоров с Рейганом.

Юрий Владимирович поправил очки, начав бегло изучать текст, иногда бормоча вслух зачитываемое:

– «...некоторые интонационные модели, присущие только американцам... утверждать наверняка сложно... очевидно, что Рейган, будучи актером, привык подменять свои искренние и простые речи сценарными фразами... варьируя тембром голоса, темпом речи... из чего можно сделать вывод, что эти вопросы были заданы намеренно с расчетом на конкретную реакцию абонента...»

Подняв недовольный взгляд, Андропов прокомментировал, чуть потрясая данными листами:

– У меня досадное ощущение – как в игре в подкидного, когда выясняется, что противник подглядывал в твои карты.

И снова уткнулся в отчет, произнося вслух из текста, в этот раз уже акцентируя:

– «...из чего следует, что во время переговоров американский президент знал о сверхъестественной сути происхождения крейсера».

Оторвался от чтения, поглядев поверх очков:

– К чему такие сложности в очевидных фактах? Не знали бы, не затеяли эту маленькую войну. И естественно, продолжали сомневаться, зондируя и по дипломатическим линиям. Все это уже не имеет значения. ...Так, что тут дальше, «...сопоставляя дату, совпавшую с демонстрационной акцией советских подлодок вблизи берегов Соединенных Штатов, можно отметить, насколько риторика абонента изменила характер на более лояльный».

Генсек вернул бумаги, было видно, что на последних строчках заметно оттаяв:

– А Рейган-то на поверку оказался немного трусоват. А?

Вашингтон. Белый дом

– Я всегда знал, что вы не любите русских, но уж позвольте президенту Соединенных Штатов – человеку на первых ролях в государстве, не любить коммунистов больше всех, – Рональд Рейган, как всегда сумев вложить в заготовленную фразу максимум патетического юмора, морщинисто улыбнулся, ожидая аналогичную встречную реакцию. Однако тот, к кому обращался хозяин Белого дома, оставался холодно серьезным, чуть двигая желваками, оттого казался даже злым. Поэтому президент перешел на более деловой тон:

– Мистер Бжезинский, этот чертов «Kirov» полностью оправдал свое заявленное звание – «убийца»! Наши моряки понесли неоправданные потери, и у них просто-таки чешутся кулаки! Но военные слишком однолинейно и грубо мыслят. Есть мнение, что такой тонкий политический стратег, как вы, им не помешает. Придумайте там, в азиатском регионе, для «красных» хитрую бяку. Единственное... знаете, как оно нередко случается – мы полезем на рожон,

они тоже не останутся... и не приведи Господь! Ради бога, мистер Бжезинский, помня вашу нелюбовь к «комми», не доведите...

– Я не больше, чем кто-либо другой, стремлюсь сгореть в ядерном пекле, – позволил себе неуважительность недавний советник по нацбезопасности.

– Ради бога, – лишь поморщившись, что его перебили, Рейган закончил фразу, – не доводите дело до крайностей.

– Господин президент, сейчас не май шестьдесят второго – ракет на Кубе, нацеленных на Флориду, нет. Прямой угрозы мгновенной конфронтации нет...

– А советские подлодки в ближней, континентальной зоне у наших берегов?

– Я ознакомился с подробным отчетом морской разведки – это был удачный намек мистера Горшкова. Но погрозив пальчиком, большая часть «красных субмарин» ушла. Я уверен, русские не решатся лезть в большую драку. У них сейчас хватает экономических и других проблем, чтобы не лезть в бутылку. И мы можем... и должны действовать жестко, натурально, иначе Кремль не проникнется.

– Вы гарантируете, что вашими... м-м-м... стараниями солдафоны не доведут дело до ядерной войны?

Бжезинский лишь снисходительно скривился, но одумавшись, утвердительно кивнул.

– В таком случае я подпишу за вами особые полномочия, – почти торжественно огласил Рейган. А сев за стол, раскрыв необходимые бумаги, вполне искренне добавил (пожалуй, склонившись в конце на восклицательные знаки): – Есть в этом что-то безнравственное – столь быстро утратить упорство. Мы не можем просто так отступить. Иначе мы – не мы!

Камрань.

Пункт материально-технического

обеспечения советского военно-морского флота

Ославленный до первых полос западной прессы «Красный пират», фигурирующий в штабе Тихоокеанского флота США не иначе как «бандит» и «убийца авианосцев», сейчас несколько не соответствовал этим названиям-эпитетам, уныло поддымливая из трубы, сурово нахохлившись своими боевыми повреждениями, притихнув у причальной стенки.

Два полуострова, охватывающих бухту Камрань с севера и юга, образовывали удобные внешний и внутренний рейды, закрывая их от волн и ветров.

Акваторию гавани едва рябило утренним бризом, да порой убывающий в патруль МПК¹³ чрезмерно резво набирал ход, пуская волну... что разбивалась о ватерлинию равнодушных к таким мелочам многотоннам водоизмещения тяжелого крейсера.

И лишь регулярные приливы-отливы «почесывали» серый борт о кранцы.

Утро. «Восемь» по местному

Откричало привычное, традиционное «на флаг и гюйс – смирно!», однако подправленное к новым реалиям – кормовой флагшток принял советское военно-морское полотнище, как никогда и не расставался.

То же самое и в выстроенных шеренгах личного состава – все шевроны с надписью «Россия» спороты, все, что положено, заменено на «СССР».

Снова слышится команда – строй утреннего осмотра сломался, рассыпался, разбегаюсь по поставленным задачам.

Капитан 2-го ранга Скопин Андрей Геннадьевич отошел к срезу борта, на ходу чиркая спичкой, прикуривая на пробу папироску (ради интереса «стрельну́л» у местных расхожую нынче «Приму» – бесфильтровое недоразумение, почему-то названное «сигаретами»).

---

¹³ МПК – малый противолодочный корабль.

Курил редко, но курил – от нервов, с психу, иногда и еще реже за компанию, когда компания под выпивку.

Сегодня? Сегодня курил от того, что вымотало, упарило, в общем, задолбало... или с приставкой «под» – подзадолбало!

Оставшись за командира на крейсере, кавторанг, как положено, нес эту ношу «временно исполняющего обязанности», но по привычке постоянно срываясь на свою собачью должность старпома, влезая во все дыры (не затычкой, конечно).

Ну а как иначе, если служба была не совсем служба, а черт знает что! Никакой тебе эталонной крейсерской организации, а сплошной бардак!

Докурил. Бычок... в другой бы раз, честно, воздержался, но морская рябь под бортом обильно колыхалась всяким мусором – там и растворился окурок.

Еще совсем недавно, только-только по приходе в Камрань, вода в бухте была почти идеально прекрасна той экзотической тропической лазоревой прозрачностью... Теперь же, вследствие возросшего судодвижения, грузо-разгрузочных работ, слива всяческих машинных отработок, акватория оказалась в отвратительно загаженном состоянии – покрытая масляными разводами, грязноватой пеной, не тонущей деревянной щепой... а добавить к этому регулярные гранатометания службы ППДО¹⁴, то еще и непонятно чем со дна бассейна.

Лицо кавторанга осветила легкая улыбка, всплывшим в памяти забавным эпизодом.

Практически с первых же дней, едва встали на бочку, заговорили о возможности диверсий, вспомнив, что во время вьетнамской войны именно в бухте Камрани разворачивались тайные операции с применением боевых пловцов, вплоть до специально обученных дельфинов.

И на самом деле – обстановка была весьма накалена, так как поступали какие-то подозрительные сведения и от собственной разведки, и с вьетнамской стороны.

Вооруженная вахта ППДО крейсера была постоянно начеку.

Буквально на третий день спецбортом от Черноморского флота прибыла группа боевых пловцов, как контрмера против вражеских диверсантов.

Впрочем, как сказал их командир – невысокого роста усатенький чернявый одессит со звездочками кап-три¹⁵:

– У нас не говорят «боевые пловцы». Мы привыкли говорить, как в руководящих документах: водолазы-разведчики.

«Черноморский гость», естественно, осмотрел зону ответственности: пирсы, прилегающую акваторию, прошелся по кораблю, заговорил с командиром подразделения морской пехоты «Петра» о непосредственном взаимодействии ППДО крейсера с его пловцами.

А тут как раз боец вахты (все как положено – в бронеке, каске, с автоматом), бдящий на срезе у полубака, вдруг заметил в воде под бортом что-то подозрительное!

Ни минуты не раздумывая, сдернул с плеча «калаш», лязгнув затвором, внимательно выщелывая вниз! Мгновением передумал, вытянул гранату, дернув чеку, метнул! Ухнуло!

И все это на глазах у выпучившего бельма капитана-пловца:

– Вашу ж мать! Да тут врага не надо! Ваши дятлы всех моих поглушат как рыбу!¹⁶

В общем, противодиверсионная служба была организована гибко, в круглосуточном режиме, по скользящему графику задействуя и пловцов, и производя с катеров профилактическое, но плотное бомбометание, с расходом боезапаса до двухсот единиц ежедневно.

---

¹⁴ ППДО – противоподводно-диверсионная оборона.

¹⁵ Капитан 3-го ранга.

¹⁶ Реальный эпизод, рассказанный водолазом-разведчиком В. Сухаруком, случившийся на одном из кораблей ЧФ, во время учений спецгруппы боевых пловцов.

* * *

День вступал в силу.

Прогудел рейдовый водолазный катер, отошедший от соседней стоянки.

Мимо к отдаленным плавпричалам, где были устроены складские площадки и смонтированы транспортеры для сыпучих грузов, исключительно неторопливо брел просевший по самую грузовую марку «битюг»-транспорт.

Узким «горлом» с внешнего рейда, подправляемый буксиром, показался боевой корабль, пока еще плохо опознаваемый, но уже заявленно потрехствольно топорщась двумя носовыми башнями.

«Кто это там? Судя по всему, артиллерийский крейсер!» – Рука Скопина самопроизвольно дернулась к отсутствующему биноклю.

Командование ТОФ стягивало в Индокитай серьезную группировку. Многие корабли сразу вступали на боевую службу, оставаясь на внешнем рубеже вокруг полуострова, «заглядывая» в гавань лишь по материально-техническим нуждам – в основном заливаться от танкеров. Как правило, их командиры не рысачили подобно давешнему «эмпэка» – в пирсовой зоне вели себя степенно, с «любопытством» и уважением салютуя «Пете-громиле», «Пете-ветерану» сигнальными флагами.

С приходом тяжелого крейсера, скажем, БПК (большие противолодочные корабли) теперь на «большие» не тянули.

«А этот потянет тысяч на пятнадцать тонн», – на глаз определил Скопин – входящий во внутреннюю гавань серый красавец наконец показал свою ютовую часть, где явно поздней достройкой-коробкой плохо вписывался в архитектуру корабля вертолетный ангар.

– А-а-а! По всей видимости, «Адмирал Сенявин», и вроде под адмиральским флагом, – углядел-догадался-пробормотал капитан 2-го ранга. – КРУ (крейсер управления), а значит, еще какое-то начальство пожаловало.

«Петр Великий» стоял у одного из бетонных причалов, построенных еще американцами, когда они тут хозяйничали во время «вьетнамской».

Со стороны берега слышалось беспрестанное тарактение дизель-генератора, питающего водонасосную станцию. С водой на полуострове напряженка – местные источники еще толком не освоили и фактически весь запас пресной был в пришедшем из Владивостока танкере. Существовал строгий график ее подачи на корабли с установленным суточным расходом.

К пристани и непосредственно к крейсеру тянулись дополнительные полевые магистрали трубопроводов.

В корне пирса, где было устроено классическое КПП и прохаживались «штыки» – часовые бригадного караула, произошел утренний развод... отъезжал, надрывно газуя, «уазик».

Дальше за «колючкой», «стрельнув» карбюратором, завелся «зилек»-самосвал.

Чуть в стороне, где высилась гидроподъемником судоремонтная мастерская (тоже штатовская), торчал БПК «Василий Чапаев», у которого, как было известно, доводили до ума «просевший» паровой котел. Там тоже только-только отыграли подъем флага, но все еще доносились трубы корабельного оркестра.

Все эти звуки на несколько мгновений прервала пара «свистков»¹⁷, что промчали «по головам», ложась в вираж по малому кругу, уходя в свою зону ответственности.

---

¹⁷ «Свистки» – прозвище реактивных истребителей.

Здрав голову вслед, определив по характерной форме крыльев «раскладушки»¹⁸, поправив съехавшую пилотку, кавторанг двинул на низы в машинное отделение. Боцман стукнул: что-то там «черти, мать их, ночная вахта» накосячили – в котельном лопнуло, прорвало, правда, уж к утру все восстановили, но надо было разобраться и сделать втык в дополнение к боцманскому.

На самом «Петруше» главный паропроизводитель (ядерный реактор), конечно, и не думали реанимировать – в Союз идти однозначно на вспомогательных котлах, на нефтянке.

Самое серьезное из работ по плавучести уже было проделано – пробойны залатали-подлатали, откачали забортную воду, продули креновые цистерны. Крейсер облегчился на десятки тонн, а включить сюда расстрелянный боезапас, когда только одна ракета «Гранит» весит семь тонн, так и вообще «всхвуднул».

Сейчас дополнительно крепили заведенные пластыри на случай внезапного шторма на переходе.

Наряду с продолжающимся ремонтом на корабле параллельно проходила повальная «разборка». Выгрузившийся «яйцеголовый десант» прибывших из Союза инженеров-спецов (все как положено – в пиджаках и очках «товарищи ученые, доценты с кандидатами») снимали практически всю радиоэлектронику, разбирали «по болтику, по винтику», целыми узлами и по отдельности. Правда, все делалось аккуратно и педантично: «концевики» изолировали, бандажили, подписывая – что, откуда, куда шло, к какой системе, к какой боевой части. Как положено, с кипой эксплуатационных бумаг с составлением совместных актов, при естественно полном содействии и помощи личного состава корабля.

«Без суеты и особого рвения – такие дела суеты не терпят. Но двигаемся неожиданно споро! И тут не то что “ломать – не строить”, но однозначно “разбирать – не собирать”. Однако, блин, запара еще та». – Скопин накиннул на плечо «пэдэашку»¹⁹, привычно двинул «метку» на доске учета личного состава на «низах» и, чуть пригнув голову, ступил на сходящий трап. Внизу чувствовалось горячее дыхание машин.

Кондиционирование по кораблю подавалось не везде, а учитывая возню с электрооборудованием, энергоснабжение в отсеках веерно безоговорочно центральными рубильниками обесточивали – от греха, чтоб не коротнуло при оголенных разъемах.

Так что в рабочих помещениях температуры порой стояли вполне тропические... словом, воду, что выделялась по портовому графику, экипаж в обратку исправно потовывделял.

От духоты спасались только на верхней палубе... перекурами.

Всё, что демонтировали, поднимали наверх, тарили в специально привезенные ящики, кантовали, частично сносили в ангар на юте, размещая на вертолетной площадке под тентами и маскировочной сетью.

Небо днем как назло было ясное, солнцепалющее, так что перегруз осуществляли в основном ночью, опасаясь шпионской съемки со спутников. Впрочем, заведомо зная график пролета шпионских ИЗС «вероятного противника» над данной территорией, находили уверенные «окна» и для работы в светлое время суток.

Первая относительно малогабаритная партия была подана в загрузочные люки на РКР²⁰ «Адмирал Фокин», что уже ушел вместе с караваном транспортов, выполняя в том числе функцию боевого охранения.

«Раздели бы до трусов, дай им волю», – продолжал мысленно ворчать капитан 2-го ранга. Сначала удивлялся, что пришлые зарятся даже на технику с заводскими датами «1983». Но потом вспомнил, что хоть тот же «Киров» и был принят под флаг в восьмидесятом, кое-

---

¹⁸ «Раскладушки» – так иногда называют Миг-23 за изменяемую стреловидность крыльев.

¹⁹ ПДА – портативный дыхательный аппарат.

²⁰ РКР – ракетный крейсер.

какое вооружение на нем доводили и устанавливали уже по ходу службы²¹: «Ну, с “Кортиками” понятно, там хоть разработка и “семидесятых”, но радиолокационная система модуля более поздней выделки... хрен бы с ним. А на фига им старички-бомбометы? Чего они там не видели?»

«Кортики» планировали скрутить без затей целиком с платформы, заведя концы под кран-балки.

Крупногабаритную ракету «Гранит» (бандура та еще!) решили тащить не целиком, а отделив головной блок с новейшими системами управления и наведения.

А как извлекать всю «бороду», тянущуюся за противолодочным комплексом «Водопад», это отдельный вопрос.

По всем вердиктам, на борту должны были остаться лишь (как необходимость) навигационное оборудование, кое-какие системы связи, подкильная ГАС – все, что нужно для адекватного и безопасного движения собственным ходом.

А в общем крейсер оказывался фактически полностью незащищенным.

Однако переживаний особых никто не испытывал. Эскортное сопровождение на маршруте, судя по нагнанному ТОФ боевому водоизмещению, в придачу с авиацией, обещало быть плотным донельзя.

Само собой со всем снятым «железом» на далекую Родину (далекую и... давнюю) выезжали, «паковали чемоданы» члены экипажа – специалисты по цифровой аппаратуре, инженеры группы РЭБ²², командиры боевых частей или замы... офицеры.

«А матросики расформированных БЧ останутся не у дел, – продолжал думки кавторанг, – сейчас все усиленно задействованы в работах... чем их потом занять – ума не приложить. Тем более что по кораблю точно Мамай прошел. Упаковали даже телевизоры... и не то что с ЖК-мониторами, а и обычные “лучевые”. Правда, сравнительно поздних годов выпуска. И все же, блин...»

Инженеры-заводчане лишь виновато жали плечами, де у них приказ «все, что имеет научно-производственную ценность – брать».

– Ага, иначе говоря – все, что «плохо лежит», – бурчал, матерясь, боцман. И в сердцах сплевывал, – но уж коль «пошла такая пьянка», считай – не мое, не наше уж...

То и на хрен! И не жалко! Хай берет, хитники. Лишь бы корабль на ходу был, если на носу у нас перегон во Владик.

– А я знаю, чего Генштаб и Кремль так спешат все наши ништяки умыкнуть, – авторитетно заявлял кто-то из «бычков»²³, – боятся, что пиндосы таки решатся по нам ядерен-батонном зафиндилить (шоб никому не досталось!), и тогда все накроется медным тазом.

Сложней дело обстояло с личными вещами. Включая в первую очередь мобильники и более навороченные планшетники (у кого были).

Полковник из КГБ, что вел все дело, приготовил бланки изъятия под опись с целым перечнем по пунктам и даже с прописанными условиями компенсации (интересно, в какой конвертации, доллар – 64 копейки?). Торжественно объявив акцию на добровольной основе (надо ж, какая деликатность!)... но эдак настоятельно, не без строгого намека, сурово рекомендуя.

И что ни говори – против государственной машины не попрешь.

---

²¹ Гидроакустический комплекс «Полином» был принят на вооружение в декабре 1982 года. Противокорабельный комплекс «Гранит» – в 1983 году. Зенитно-ракетный С-300Ф – только в 1984 году.

²² РЭБ – боевая часть радиоэлектронной борьбы.

²³ «Бычки» – командиры БЧ (боевых частей корабля).

Скопин и сам понимал, что эти девайсы хоть и являются последним «окошком» в былую гражданскую жизнь (у многих помимо киношек, музыки, игр и прочей дребедени, там были личные фото-видео), опасность утечки информации и технологий была очевидна.

Да и ценность для научных бюро страны несоизмерима.

«Бычки» собирали подивизионно экипаж, проводя разъяснительную работу с категоричным вердиктом «сдать!».

Понятно, что нашлись ухари, кто припрятал. Наверняка.

Чувствуя неожиданный укол собственного предательства, Скопин объяснил одному из яйцеголовых (нормальный такой вдумчивый дядька из Воронежского НИИ связи), что если устройство включено – издает электромагнитный сигнал. Снять частоту – и можно пеленговать прямо в отсеках.

Тот, сетуя на отсутствие радиодеталей, все же умудрился сварганить из подручных средств вполне рабочую штуковину.

В итоге еще сумели выудить всего с пяток «мобило-айфонов». Слух по кораблю быстро прошел – неудивительно, если кто предусмотрительно вообще вынул батарейку.

Но не обнадеживались – все эти ухищрения до схода на берег, когда однозначно будет полный и безоговорочный шмон.

Гэбист-полкан, узнав о такой преступной несознательности, набычился. Уж точно, была б его воля – устроил бы сладкую жизнь на борту. Но воли его, как оказалось, не было. Все еще действовало покровительство Горшкова (вон она откуда неожиданная деликатность).

– И? – спрашивал Харебов, когда они в очередной раз после заката собрались у летунов «посидеть с часок за рюмкой». – Салаги-молодняк в охрененье?

Спирта... чистого спиртогана на крейсере вдруг оказалось много. А все из-за того, что по каким-то неведомым нормативам, «под технические нужды на консервацию аппаратуры для транспортировки», заводчанам «на большой земле» его родимого выделили за сотню литров. И теперь «божью росу», разбавляемую до кондиции «шила»²⁴, усиленно расходовали и списывали... формально. При этом заводская интеллигенция не отставала, сумев показать себя! Вот буквально вчера орошено сыграли «человек за бортом»!

Заверещало!

ППДО всполошилось, народ – на палубу, замелькали спасательные круги!

А за кормовым срезом «кадр» плавает, не чешется, плещется – один из «кандидатов наук» перебрал по жаре, решил, понимаешь, освежиться.

– Я говорю – молодняк в ахере? – еще раз переспросил майор.

– В ахере, – выпал из небольшого ступора Скопин, – и не только молодняк.

– Так я и говорил, я предупреждал, как оно будет происходить – и контакт с местным особым отделом, и с другими реалиями «совка».

– Хочешь сказать, «убог»? – с сомнением и вызовом спросил прибившийся к посиделке Сашка Ермилов из штурманской группы. – «Совок»?

– А представь полупустые магазинные полки, серость, нет тырнета, нет «жилетта» с пятью лезвиями...

– Так сейчас и на Западе он скорей с одним лезвием. Сейчас времена еще такие, что нам все покажется убогим. Катался я на «опельке-кадете» восемьдесят восьмого года выпуска – «Приора» тестя куда как технологичней выглядела. Хотя, согласен, по бытовухе Союз однозначно отставал от Запада. Тут не поспоришь.

– У меня какое-то нездоровое ощущение народилось, – морщился после жестковато разбавленного в глотку Скопин, – отождествляю себя и экипаж отдельно от всех этих... не только

---

²⁴ Пропорция (спирт-вода) так называемого флотского «шила» была чисто произвольной.

вечно бдительных чекистов, но и вполне обыденных, нормальных служаек, из портовиков и других служб, с кем уже приходится сталкиваться. Будто на разных языках иногда разговариваем, и нас совсем не понимают... не принимают.

Харегов смачно хрумкал, заедая припасенным соленьем, вдруг хохотнул... и, видя непонимание, пояснил:

– Вспомнил случай. Как-то в Скандинавии по туру (у нас с собой было, так что мы не скучали) пропустил на эскалаторе в маркете какую-то бабенку вперед... типа, по джентельменски. А у нее такие формы-округлости сзади! Я такой думаю: «Шведка, не понимает»... ну, и сказанул: «Ах, какая задница!» На что она, такая злая, обернулась и сказала, что, хм... понимает. Так что полкан из КГБ больше молчун, но наблюдательный, и нас вполне просчитал, отклассифицировал. Мы тут, по их меркам, так все поголовно и сплошь диссиденты! Как минимум оппозиционеры соцстрою и самому святому – партии... мать ее ети! Нам бы сидеть тихо в тряпочку, мозоли на заднице натирать. Ан нет, отвыкли-привыкли... к гласности. Для нас некий «бряк» языком вроде и невинный, а у них на почве соцбдительности сто пудов – так и зашкаливает! Особенно... Особенно после твоего загона с тем фруктом из политотдела.

От фрукта в кавторанговском звании только по одним повадкам сквозило «военно-политическим»²⁵.

Явился, представился, потряс полномочными бумагами и пошел бродить по кораблю, хмурия бровочки на несоответствие канонам советских моряков, а потому ну-ну: «форменное разгильдяйство личного состава».

Экипаж, понятно, в мыле – ремонт корабля, копошня с разборкой, жара, вода по лимиту, все кто в чем. А этот выбритый, подстриженный, вылизанный, попахивающий не иначе «Красной Москвой» (одеколон, кто не знает), явно прямо самолетом из самой столицы. Короче говоря, классический замполит, верный слуга партии.

Сначала насел на офицеров – те отбоярились, сославшись на занятость (хорошо хоть нах... не послали).

Замуля переключился с «идейными» беседами на беззащитный старшинский и рядовой состав. Тут и жалоб не надо, все было на виду и... в общем Скопин не стерпел, высказав «партийцу»:

– Товарищ капитан второго ранга! Им сейчас психолог, а лучше баба да рюмка душевная нужна. А вы им про решения съезда и первичную ячейку. А что враг не дремлет, так они и без вас знают – экипаж недавно вышел из тяжелого боя! И не только, черт возьми – вообще из другой жизни-реальности! Хочу акцентировать – пусть матросики и говорят по-русски, к командиру и к вам обращаются «товарищ капитан», но они другие... познали иные времена и социальный строй. А вы, не разобравшись, не пытаетесь осмыслить и понять, сразу начинаете на них пионерские галстуки вязать.

И без перехода, неожиданно, пока покрасневший «рак» не набрал воздуха, сбивая с толку:

– У вас какая машина? В личном пользовании?

Зам растерялся, но быстро взяв себя в руки, с гордостью объявил:

– «Волга».

Скопин хмыкнул (ну-ну, такой и соврет не моргнув):

– А у старшины, которому вы вот только что цитировали «первоисточники», «Мерседес» С-класса, пусть и трехгодовалый. Да вы и С-класс-то не знаете. А матросик-контрактник на полугодичную, годичную зарплату, замечу, легко, без всяких очередей может себе новую

---

²⁵ Подразумевается «военно-политическим училищем».

«Жигули-Ладу» купить. Из автосалона! И это не достижение социализма... просто жизнь стала другая.

Короче, сорвался, жара допекла, наговорил. Наверное, зря. Но нет худа без добра.

Был у врио²⁶ командира корабля один ресурс – «звонок другу». Пока еще ни разу не использованный – особисты особого повода не давали, с заводчанами было все «прозрачно». Жаловаться Скопин не любил (из гордости и упрямства), но тут другой случай.

А после общения с Горшковым по ВЧ-связи²⁷ излишне ретивого замполита адмиральская корова языком слизнула на раз. Только и злорадствовали, надеясь, что этого чудилу за Таймыр услали к белым медведям, учитывая всю секретность вокруг «Пети». Зато и чекисты стали более корректны.

* * *

С секретностью, уж по крайней мере от «своих», все было более чем на уровне. Дальше КПП и «колючки» (это второй уровень – ближе к «телу» только особая группа ГБ) никто о происхождении крейсера знать был не должен.

Командование Тихоокеанского флота согласно спущенной Москвой директиве парадно мотивировало повышенную активность в Камрани необходимостью в кратчайшие сроки обеспечить базирование эскадры и авиации. Приоритет был очевиден – полноценное присутствие вооруженных сил СССР в стратегически важном районе Индокитая.

Вот только «фигура» 26000-тонного крейсера, со следами недавнего боя, за тремя периметрами кордона, слишком уж заметная... и не могла не цеплять взгляды экипажей прибывающих кораблей ТОФ и персонала бербазы²⁸. И все задачи командирам дивизионов нарезались, строясь на обеспечение безопасности «неожиданного гостя».

Но даже командующий 17-й ОпЭск²⁹ контр-адмирал Анохин Р. А. не мог дать внятных объяснений подчиненным, поскольку и сам имел строго купированный допуск.

Расписавшись в документах под грифом «совершенно секретно», Рональд Александрович знал лишь то, что тяжелый крейсер проекта 1144 «Петр Великий» в особом статусе участвовал в военной операции на стороне Аргентины, проводя обкатку новейших образцов оружия.

Далее, по окончании испытаний и следовании в базу Тихоокеанского флота, со стороны вооруженных сил США против крейсера произошла беспрецедентная провокация, вылившаяся в боевую стычку, в результате которой противник понес ощутимые потери.

И теперь у Генштаба есть основательные подозрения, строящиеся на разведанных, что американцы готовы и дальше продолжить агрессивное давление.

Особой директивой контр-адмиралу приказывалось силами 17-й ОпЭск и базирующемуся в Камрани авиационному полку быть готовым к любым провокациям, с задачей обеспечить максимальную защиту «Петра Великого». А также организовать гарантированную доставку снимаемого с него секретного оборудования.

Подчеркивалось, что в результате диверсий или прямых атак этот важный груз может быть или захвачен, или уничтожен.

В подкрепление к официальному приказу Анохин имел личный разговор с главкомом по ВЧ-связи. Горшков доверительно посоветовал отнестись к предупреждениям о намерениях американских военных с полной серьезностью: «Они жаждут крови! Они жаждут поквитаться

---

²⁶ Врио – временно исполняющий обязанности.

²⁷ ВЧ-связь – закрытый канал военной или правительственной связи.

²⁸ Бербаза – береговая база.

²⁹ ОпЭск – принятое на флоте сокращение от «оперативная эскадра».

за поражение. Счет: уничтоженный эсминец, атомная подводная лодка, а главное утопленный «Карл Винсон»... да-да, самый что ни на есть чертов американский авианосец!»

К сожалению, все вышеперечисленное контр-адмирал не мог донести до вверенного ему личного состава. Оставалось только вовсю стараться замполитам, что теперь недвусмысленно костерили «акул империализма, американскую военщину», посмевших провокационно напасть на советский... (чуть не сказал «мирный советский трактор»).

* * *

Переоборудование «Адмирала Сенявина» в крейсер управления предусматривало весь необходимый комплекс для флагманского командного пункта.

Получивших одноименный с Анохиным допуск было немного, поэтому сегодня командующий собрал совещание узкого круга в штабном оперативном посту, где штатный кондиционер особенно хорошо справлялся с охлаждением. Усердные вахтенные с «кондюком» на maximumе даже перебдели, так что, войдя в помещение (в тропичке – синие шорты, кремовая рубашка с коротким рукавом), после забортной жары контр-адмирал даже поежился:

– Что ж, товарищи офицеры, обсуждать командование мы не вправе, сказано «военная тайна», так тому и быть. Одно плохо – неполные данные могут негативно сказаться на нашем планировании... хм, в таком случае будем исходить из наихудшего. Тем более, по сведениям разведки, все к тому и движется. Что скажете?

Вопрос был адресным – к командиру 119-й бригады надводных кораблей капитану 1-го ранга Сергееву.

Тот немедленно отозвался, встав с места – высокий, плечистый, увлекающийся боксом, оттого резкий на движения:

– Согласен! Недосказанность и узкий информационный фронт ни к чему хорошему не приведут. Удивляет – что же там такое могло произойти, что дело выходит за все международные правила? Американцы совсем границы потеряли? Так и дров наломать можно, как говорят летчики.

– Слухи ходят, – подвизался начальник политического отдела, – уж не знаю, откуда они просочились, но если это правда, то не удивляюсь, с чего империалисты так взбесились. Говорят, что своим главным ракетным калибром «Петр Великий» утопил авианосец!

Кто-то из присутствующих восхищенно крякнул:

– Ах-х уе!..

– Честно говоря, – кисло улыбнулся Анохин, – все ждал оказии, когда можно неформально переговорить с исполняющим обязанности командира корабля кавторангом Скопным... но товарищ из особого отдела не отступал ни на шаг.

– Есть что-то в нем... в этом Скопине, – замаялся начальник политического отдела, но не договорил, уведя: – Все так закрыто... даже запрос тыловиков о наличии личного состава на борту под довольствие провис.

– Ладно, – чуть хлопнул по столу контр-адмирал, – оставим все досужие домыслы, а займемся делом – выполнением поставленной задачи. Валерий Николаевич?..

Успевший сесть каперанг снова встал и, не заглядывая в свои бумаги, быстро перечислил основное:

– По противнику. В море на постоянной основе находятся два-три корабля флота США класса фрегат-эсминец, ведущих слежение за нашими силами визуальными и радиотехническими средствами. Неоднократно фиксировались шумы вражеских субмарин – по этим отра-

батывался «поиск-обнаружение» средствами ПЛО³⁰ бригады надводных кораблей при содействии подводных лодок 38-й дивизии, – уважительный кивок контр-адмиралу Спирину³¹, – в том числе передавались данные для базовой противолодочной авиации. В интересах противовоздушной обороны непосредственно на подступах к Камрани, радиолокационный дозор осуществляется в пределах видимости трехкоординатных РЛС. Данные по воздушной обстановке подаются на дежурные средства ПВО, командные пункты эскадры и КП авиаполка. Уточню. Готовность к открытию огня для малой зенитной артиллерии – одна минута, зенитно-ракетных комплексов – по технической готовности, с оповещением «ковер»³². Палубная авиация ТАКР «Минск» с усилением «базовой» не задействуется. У них там до сих пор идет разбирательство после недавней катастрофы «яка». Но непременно хочу заметить, что с усилением корабельной группировки ПВО в прибрежной зоне американские самолеты стали вести себя более осмотрительно. А с переброской в Камрань «двадцать третьих» истребителей и более того! Облеты «орионов» происходят на большом удалении. Попытки и проникновения в охраняемый периметр стали скорее единичными случаями. Вот как вчера...

– Что скажет авиация? – Анохин вслед за капрангом перевел взгляд на полковника с винто-крылышками на петлицах повседневки, прибавив: – Сидите, сидите, ни к чему...

Дернувшийся было командир смешанного авиационного полка остался на стуле, помял свои записи и отложил, озвучив по памяти:

– Вчера в 18:30 по местному на командный пункт поступил сигнал об обнаружении низколетящей цели с нулевого пеленга. Цель была обнаружена на удалении ста километров с корабля дозора, взята им на сопровождение до передачи на береговую РЛС. По классификации параметров предполагался истребитель «Фантом». Навстречу нарушителю вылетел командир эскадрильи капитан Беленин на МиГ-23, первоначально следуя вдоль береговой черты по договоренности с командованием СРВ³³ в зоне действия их ПВО. По наведению береговой РЛС летчик начал сближение с объектом атаки, выходя скрытно на сверхмалой высоте со стороны заката... и далее с форсажем и набором скорости – на дистанцию удара... уже в расчетной позиции включив бортовую РЛС, запросив разрешение на открытие огня. Так как самолет противника нарушил воздушное пространство Вьетнама, согласование с вьетнамской стороной заняло некоторое время... к исходу которого пилот «Фантома», «ощутив» работу РЛС «Мига», совершил противоракетный маневр и, форсируя двигатели, вышел за границы территориальных вод в юго-восточном направлении.

– Надо было бить!

– Надо, – убежденно поддержал полковник, – и если подобные случаи вблизи Камрани действительно стали единичными... то что касается поведения американских летчиков вдали от базы в океанской зоне – тут все по-прежнему. Наши самолеты дальней воздушной разведки постоянно подвергаются имитациям «перехватов», опасные маневрирования палубных истребителей уже дважды едва, как тут было сказано, не наломали дров. Не знаю, насколько тут вина «Петра Великого», но штатовцам совершенно не нравится, что мы «поселились» тут у них под боком – до Субик-Бей и Кларка тысяча двести километров³⁴. Добавить к этому участвовавшие напряженные пролеты «бок о бок» с самолетами китайских ВВС, что активизировались в зоне Танкинского залива...

– Случаи вплоть до огневого соприкосновения между вьетнамскими и китайскими ВМФ происходят и на море, в пограничных зонах, – вмешался Сергеев, – простите, что перебил.

³⁰ ПЛО – противолодочная оборона.

³¹ Контр-адмирал Спиринов Ю.Ф. – командир (1982–1984 гг.) 38-й дивизии подводных лодок, базирующихся на Камрань.

³² Команда «ковер» подается при появлении в воздушном пространстве нарушителя. Предполагает требование немедленной посадки или вывода из данного района всех воздушных судов, не задействованных для борьбы с нарушителем.

³³ СРВ – Социалистическая Республика Вьетнам.

³⁴ Субик-Бей – военно-морская, Кларк – авиационная базы США на Филиппинах.

– И не только между ВМФ, – задумчиво проронил контр-адмирал, – имеются данные о стычках на сухопутных границах. Вьетнамцы очень обеспокоены. От них поступила информация: обезврежена группа диверсантов с взрывчаткой, проникнувшая с территории соседней Кампучии. На допросе боевики признались, что их целью якобы являлась советская база, подготовку у них проводили «зеленые береты» армии США, а руководило всем ЦРУ. Опять же, из вьетнамских источников: в джунглях до сих пор бродят шайки недобитых сайгоновцев... некая организация «Фулро». Это местные горские народности, некогда вооруженные проамериканским Сайгоном. Также проведена работа по выявлению вражеской разведгруппы в самой Камрани, обезврежено энное количество шпионов. Особенно хочется обратить внимание на задержание неприметной местной семьи, включая ребенка, у которых обнаружили бутылки с отравленными спиртными напитками³⁵. Как-то с трудом верится, но черт разбери их азиатскую душу. Естественно, штаб ТОФ уже поставлен в известность. Ответ пока не получен. Их там, я так понимаю, в Москве пограничные конфликты с Китаем особо не волнуют. Нашу инициативу – вывозить секретный груз исключительно на боевых кораблях эскорта, одобрили. Первый караван, как вам известно, ушел в составе с «Адмиралом Фокиным». Много ракетный крейсер принять не мог, но военный корабль как средство доставки ценных артефактов более устойчивая платформа, нежели беззащитный сухогруз.

– Честно говоря, я вообще не понимаю, – снова встрял Сергеев, – ТАРКР не может и не будет оставаться в Камрани на долговременной основе. Из выдержек капитана второго ранга Скопина, те ремонтные работы, что проведены уже сейчас, позволяют кораблю, пока не начались осенне-зимние шторма, следовать своим ходом во Владивосток, где есть сухой док. А вся спешка с демонтажом новейшего вооружения и его перевозкой на «большую землю» является нашей извечной неразберихой, в лучшем случае перестраховкой.

– Товарищи, – терпеливо и демонстративно заявил Анохин, – у командования свои взгляды, мы просто многого не знаем. Поэтому будем следовать уже утвержденному и одобренному плану. Первым ушел РКР «Фокин». Сейчас на очереди БПК «Василий Чапаев». Но у них там на «Петре» намечается... образовался крупногабарит...

– На БДК³⁶, – категорично предложил Сергеев, – удобно и для погрузки-разгрузки и места вдоволь... в ущерб «бэтээров» и «бээмпэшек»!³⁷

– Возможно...

В дверь постучался вестовой. Войдя, отчеканил:

– Срочная шифровка из штаба флота!

Взяв шифротелеграмму, Анохин бегло пробежал текст. Подняв голову, известил:

– Все-таки дали добро на выход «Великого».

* * *

Над бухтой волокно густым черным дымом, накрывая разом и тяжелый крейсер, и притертый к его борту противолодочный «Чапаев».

Приказ Москвы на уход «Петра» во Владивосток ломал все графики, вынудив прервать демонтажные работы, а то, что уже было затарено, теперь форсированно перегружали и в дневное время под прикрытием аэрозольной (дымовой) завесы. Маскировку обеспечивал «сторожевик», расположившийся с наветренной стороны. Ветер дул несильный, но беспокойный,

³⁵ С прибытием русских в Камрань вьетнамцы стали активно приторговывать с военными, сбывая в том числе и алкоголь. А случай с отравленным пойлом – реальный.

³⁶ БДК – большой десантный корабль.

³⁷ БТР – бронетранспортер, БМП – боевая машина пехоты.

иногда низовкой стеля над палубой, дербаня носоглотки спящих в аврале матросиков (всем здоровья!).

– А они могут подумать, что у нас пожар, – Харебов ткнул пальцем в небо. – У главного супостата уже сейчас есть спутники фоторазведки с аппаратурой цифрового формата и передачей снимков по радиоканалу в реальном масштабе времени. Ща нащелкают – то-то в Лэнгли будут гадать, что у нас стряслось!

Скопин лишь молча пожал плечами, типа «тебе виднее» (майор в космической теме был дока), и продолжил следить за проводимыми работами.

Время уж перевалило за полдень, от перегруза крупногабарита отказались, поэтому здесь все дело шло к концу – последние ящики и коробки. С крыла мостика было видно, как командир «Чапаева» раздает указания помощнику и вахтенным на отход.

На очереди к «Петру» был танкер с мазутом.

– Но если амеры следят в инфракрасном, – продолжал гнуть Харебов, – суету засекут, к маме не ходи. Да и в визуале – вон танкер уже с бочки тронулся, ворочается.

К нам пойдет... дураку понятно – что-то затевается. А еще (нас, конечно, на носители инфы изрядно обобрали, и свериться уж негде), но я, как в Камрань пришли, сразу по Вьетнаму и окружению бегло глянул! Так вот – китайцы с вьетнамцами по всем раскладам начали «толкаться» с 1979-го... и стычки у них потом были регулярно и спорадически. Но хоть убей не помню – было что-то в «восемьдесят втором» или нет?³⁸

Свесившись с леера, каперанг глянул вдоль борта сначала в сторону носа корабля – там под мат боцмана (а как без него – без боцмана и без мата) на кильблоках свесили «беседку»³⁹, матросы, закрасив тактический номер «099», малевали новый:

«Тоже мне... замаскировались».

Затем посмотрел в корму корабля:

– А меня радует, что «Кортики» оставили на «последнее», а теперь снять их попросту не успеваем. Хоть какое-то собственное прикрытие от воздушных целей.

* * *

Естественно, ни речей, ни митингов. Ближе к полуночи, в 23:30 по «ханойскому» времени (в 19:30 мск, в 02:30 хбр⁴⁰) по согласованному графику тихо отдали швартовы. Чумазый рейдовый буксир, работая «на укол» и «оттяг», вывел 250-метровый корабль на внешний рейд⁴¹. Где вялое вращение винтами пошло в рост, и тяжелый крейсер самостоятельно двинул на выход.

Эскорт уже ждал, опекая важный объект плотным построением.

Кремль

Офицер по особым поручениям со звездочками капитана госбезопасности зачитывал стоя, выкладывая по мере озвучивания листы перед собравшейся комиссией. Его кожаная папка на застежке-молнии быстро пустела:

– В итоге ситуация вокруг ТАРКР «Петр Великий» или «крейсера-близнеца»... или, уж если будет угодно, «объекта 099» развивалась по экспоненте. Резко обострилась обста-

---

³⁸ Китай, будучи союзником Вьетнама во время американской агрессии, по окончании войны сам неоднократно затевал военные акции против Социалистической Республики Вьетнам.

³⁹ «Беседка» – площадка, подвешенная на снасти бегучего такелажа, служащая для подъема людей на мачту или спуска за борт.

⁴⁰ «Мск, «хбр» – московское и хабаровское время.

⁴¹ «На оттяг», «на укол» – способы буксировки кораблей судовыми средствами.

новка в Индокитае. Сначала, по данным вьетнамской разведки, американцы расконсервировали свои «закладки» в виде оставшихся на территории агентов (недобитки, воевавшие на стороне марионеточного Сайгона, лица с сопредельных государств, кхмеры). Затем вдруг зашевелился Китай. Усилились провокации на границе с СРВ-КНР, зафиксированы единичные, групповые проникновения китайских военнослужащих через границу на территорию Вьетнама. Более того, уже произошли пограничные стычки с крупными отрядами до трехсот бойцов и выше.

Для отслеживания ситуации нами было переориентировано несколько спутников орбитальной группировки космической разведки, предоставив ряд снимков, из которых явно видно, что соседняя Кампучия превращена в плацдарм для концентрации войск. Также в приграничных районах Китая, по оценкам специалистов, дислоцировано большое количество военной техники и до полумиллиона человек под ружьем. Участились случаи нарушения воздушного пространства. В море, близ, а также заходя в территориальные воды Вьетнама, фиксируются сотни китайских рыболовецких судов.

Напрашивались очевидные выводы – все эти провокации координируются единым центром. Поступили сигналы о контактах ЦРУ со спецслужбами Пекина. Дэн Сяопин посетил Токио, в китайской прессе не скрывается, что лидер КНР намечает поездку в Вашингтон. Тем более что если в вьетнамо-китайском конфликте 1979 года США были относительно сдержанны, лишь оказывая дипломатическое пособничество, то сейчас поддержка Америки и Японии более чем вероятна. Дается понять, что готовится очередная агрессия со стороны Китая.

– Вы сказали, «дается понять»? – перебил Андропов и вопросительно взглянул на начальника КГБ. – Китай не намерен нападать?

– Отчего же. Возможно, Пекин готов половить рыбку в мутной воде. Но надо полагать, что все эти движения инспирированы ЦРУ для того, чтобы накалить обстановку вокруг «объекта».

– Заставить нас нервничать, – задумчиво проговорил Андропов, – а учитывая, что параллельно идет дипломатический зондаж, склонить нас к диалогу, к уступкам, вынудить поделиться уникальной информацией... хм. Что там у вас дальше?

Получив разрешение, офицер продолжил:

– Что-то стало известно вьетнамским спецслужбам. Вероятней всего, просочились какие-то данные особого порядка. Пусть командование базы исключило в портовых работах подряды для местных, и близко не подпуская к крейсеру, но не стоит забывать, что вьетнамцы находятся на своей территории и у них наверняка есть налаженная сеть поступления информации. Официальный Ханой выдвинул претензии. Вне всякого сомнения, там понимают, что могут рассчитывать только на Советский Союз, но с сокращением безвозмездной военной и экономической помощи отношение вьетнамцев к нам несколько изменилось. Стали возникать вопросы о нарушении советской стороной пунктов соглашения о нахождении наших военных кораблей в бухте Камрани⁴². Видимо, вьетнамцы посчитали, что как только «Петр» уйдет из Вьетнама, угроза вторжения со стороны соседа прекратится, так как США потеряет интерес к эскалации конфликта.

– Что вряд ли.

– Так точно. Радикализм Пекина подзуживается Вашингтоном. Американцам выгодно, если мы сцепимся с китайцами. Это отвлечет наши силы в других «горячих» местах. Поэтому было принято решение не раздражать вьетнамских товарищей. Тем более что прогнозирование ситуации теперь не исключало не только подготовленной диверсии ЦРУ, но и случайного удара

---

⁴² В соответствии с двусторонним Соглашением между правительствами СССР и СРВ об использовании Камрани как ПМТО (пункт материально-технического обеспечения) Тихоокеанского флота, в базе одновременно могло находиться 10 надводных кораблей, 8 подлодок, 6 вспомогательных судов. Ограничение было и на базирование авиации.

или провокации со стороны китайского агрессора. Все зависит от того, как будут развиваться военные действия.

Ремонт «объекта 099», обеспечивающий необходимую мореходность, уже был проведен. В рекордные сроки. Позиционную обстановку на границе с Кампучией и Китаем мы отслеживали посредством морской космической системы разведки «Легенда», данные поступали практически в оперативном порядке. К этому моменту, когда было выявлено окончательное развертывание китайской армии, ее выдвижение на исходные рубежи, сделан расчет времени удара, выбор решения был за отправкой ТАРКР «Петр Великий» во Владивосток.

– Несмотря на риски нахождения в открытом море? – с сомнением прокомментировал Андропов.

– Не бóльшие, чем на приколе, известном противнику, в слабо оборудованной базе, где одно достоинство – наличие береговой авиации, – успел вставить Устинов, – это мнение моряков.

– Какие меры были приняты для безопасной проводки подопечного корабля?

– С приходом «Петра Великого» в Камрань группировку Тихоокеанского флота в Южно-Китайском заливе довели до тринадцати крупных кораблей, включая уже имеемый ТАКР «Минск» с авиакрылом. На базовый аэродром переброшен смешанный полк трехэскадрильного состава – истребительной, штурмовой и противолодочной авиации. К середине июля эскадра получила подкрепление, в ней уже состояло 30 надводных кораблей. Кроме того, задействовано семь дивизионов дизельных подводных лодок – были стянуты практически все силы тактического подплава. Воздушное прикрытие на начальном отрезке маршрута осуществляют МиГ-23 с аэродрома в Камрани. С подвесными баками для увеличения радиуса боевого действия. А также Ту-16 с дозаправкой в воздухе на всем протяжении. В Корейском проливе эскадру дополнительно должны взять под опеку самолеты морской авиации, базирующиеся на Кневичи. Но основная нагрузка ложится на Як-38 авианесущего крейсера «Минск».

– Американцы?

– Из последнего доклада командующего 17-й ОпЭск контр-адмирала Анохина на 9:00 по тихоокеанскому стандарту – активность американских ВМС и ВВС неожиданно умеренная. В ближней морской зоне ответственности наблюдается постоянное сопровождение одиночными кораблями США, в воздушной – разведывательным «Орионом». Налеты палубной авиации с авианосца «Констеллейшн» (парные и тактическими звеньями) происходят корректно ввиду наличия над советской эскадрой авиационного прикрытия. Авианосная ударная группа маневрирует в Южно-Китайском море на удалении восьмисот-девятьсот километров, находясь практически у Филиппин. Воздушная разведка за АУГ⁴³ осуществляется сменными двойками Ту-95 и Ту-142.

– Что происходит на вьетнамо-китайской границе? Какая помощь оказывается вьетнамским товарищам?

– Судя по имеющимся данным косморазведки, ситуация мало отличная от 1979 года. Китай явно сконцентрировал больше сил, но и вьетнамцы действуют с уже полученным ранее опытом. Командование посчитало – тех средств, что были предоставлены Советским Союзом в период предыдущей китайско-вьетнамской войны и других конфликтов, достаточно для отражения нынешней агрессии. Часть подводных лодок 38-й дивизии, что по тем или иным причинам не были задействованы в эскорте «объекта 099», оказывают помощь надводным кораблям вьетнамских ВМС, перекрыв вход в Тонкинский залив, блокируя акваторию для судов других государств. В частности, и для двух американских фрегатов. Дополнительно были приведены в состояние полной боевой готовности вооруженные силы советской армии дальневосточных и забайкальских округов, что должно поумерить пыл Пекина.

---

⁴³ АУГ – авианосная ударная группа.

– Это всё?

– Так точно. У меня всё! – отступил офицер.

Юрий Владимирович снял чуть запотевшие очки, устало помассировал веки, снова водрузил их, спросив, обращаясь ко всем присутствующим:

– Что скажете?

– Поводы для беспокойства, конечно, остаются, – решил ответить первым Крючков, – я уже давал задание выяснить...

– Слишком «вовремя» Китай пошел в наступление, – не дал договорить генералу Андропов, – выяснили – какая информация просочилась к вьетнамцам? А часом, не от ЦРУ ли? Не к тому ли нас подталкивали американцы, чтобы мы вывели корабль?

За одного битого двух небитых

Первоначально, практически в цейтноте формирования полка, военно-транспортной авиацией в Камрань перебросили всего «четверку» истребителей... предварительно расчлененных по спецконтейнерам: в первых двух – «голова» с двигателем, консоли крыльев со стабилизаторами, в третьем ящике – хвостовая часть. Четвертый набит средствами наземного обслуживания, включая стремянки, чехлы, колодки, водило⁴⁴.

Ил-76 прибыл прямым рейсом из Союза. Еще издали заявив о себе гулом, тяжело и медленно заходя на посадку, он тугим свистом-реверсом прокатился по бетонке на пробеге, замерев на рулежке, выгрузив первых летунов и техников в духоту и жару – «из лета в лето... но ни хрена ж себе экзотика!» – сразу же стаскивали с себя лишние форменные одежды, весельчаки, напяливая нелепые шорты «тропички».

А через две недели подоспевшим грузовым судном на складские причалы доставили остальные запланированные машины (треть самолетов легко поместилась на твиндеке громадины сухогруза в «полуфабрикатном» состоянии), доводя эскадрилью до почти штатного состояния – двенадцать МиГ-23МЛ и еще дополнительно две «спарки» с индексом «УБ» (учебно-боевые).

Прибывший личный состав и самолеты входили в одну из лучших советских авиационных частей. А с приданными в помощь заводскими специалистами задача по вводу техники в строй была выполнена в кратчайшие, если не сказать рекордные сроки: расконсервация, сборка, опробование двигателей, наземные проверки, облеты... успели! Накануне ухода «Петра Великого» все «миги» были готовы нести боевое дежурство в системе ПВО эскадры.

– На полтыщи километров мы еще можем обеспечивать непрерывность истребительного прикрытия, – объявил на штабном совещании «у флотских» командир авиационного полка. И обосновывал: – Пятьсот кмэ – это оптимальный боевой радиус «двадцать третьего» с тремя ПТБ⁴⁵ и минимумом подвесного вооружения «воздух-воздух».

Организация подобной боевой задачи подразумевает, что одно звено барражирует над соединением кораблей... другое, выработав топливо, возвращается... третье идет на замену. Эдакая качель-карусель. Беда в том, что по мере удаления от базы и аэродрома плечо увеличивается, и вскоре время нахождения истребителей над эскадрой сократится до минимума. Минимум этот, оговорюсь, можно растянуть и больше, чем на полтыщи, но повторюсь – время нахождения! А у нас всего четырнадцать машин! И даже в той ближней зоне, где мы их все сможем задействовать, американцы легко обеспечат себе боевое преимущество – плавучий аэродром «Констеллейшн» несет истребителей в два раза больше нашего, не считая остального авиапарка. И будет, сволочь такая, продолжать следовать за нашим морским соединением,

---

⁴⁴ Водило – жесткая сцепка-переходник от носовой стойки к тягачу.

⁴⁵ ПТБ – подвесные топливные баки.

находясь вне зоны действия противокорабельных ракет ордера. Палубные «яки» и «шестнадцатые Ту» против «фантомов» и новых «хорнетов» откровенно не играют.

* * *

На то она и служба – чтоб медом не казалась. Приказ на уход хоть был и ожидаем, но нагрязнул, как и положено, авралом.

Накрученная тихая истерия вокруг такого всего из себя секретного тяжелого крейсера требовала провести тщательное оперативное планирование похода, с боевым расписанием и задачей для каждого корабля и подводной лодки.

Но первый вопрос для командующего 17-й ОпЭск был «чего ждать?».

Оснований сомневаться в приказах высоких чинов Генштаба, в их оценке и прогнозах развития ситуации у контр-адмирала Анохина не было. Пример «покусанного» «Петра Великого» не просто говорил, он кричал – что-то в той тонкой грани «холодного» военного противостояния двух великих держав изменилось! Эта «тонкая грань» вроде бы осталась, но обе стороны стали позволять себе делать небольшие «шажки-заступы» за ее линию.

Бесило, что за всеми этими инструкциями, спускаемыми по цепочке и напрямую из Москвы, явно проглядывались «гражданские» товарищи с политическим и дипломатическим подходом к реалиям. Отсюда и шли какие-то абсолютно неуместные для военной задачи неопределенности: «возможно», «якобы», «осмотрительно», «не допуская и не поддаваясь» (в смысле провокаций), из которых самым понятным было «не применять ядерное оружие ни при каких обстоятельствах».

Анохин знал, что авианесущий крейсер «Минск» первый вступил в соприкосновение с «Петром Великим», прикрыв от американцев. Знал, что командовавший миссией капитан 1-ранга Саможенов имел непосредственный контакт с командиром тяжелого крейсера (того самого, коего увез в Москву главком) и что-то знает... знает, возможно, нечто большее, чем...

– Не могу, – уперся Вениамин Павлович Саможенов, когда Анохин не поленился, прибыл баркасом на борт «Минска» и они обособились от навязчивого особиста. – Не могу! У меня на борту чуть ли не взвод товарищей из органов квартировал... и по сию пору. И на «сторожевиках», и на «обеспечителях», что участвовали в операции. Из каждого распоследнего матросика душу вытрясли своими допросами и бумагомараньем на подписках.

– Вениамин Павлович! Но какого такого мать в три боцманских загиба хрена командующий эскадры знает меньше, чем какой-нибудь сопливый сигнальщик или радист?!

– Не перегибайте, Рональд Александрович, ничего ни сигнальщики, ни другие матросики не знают. У них до такого (да и у меня) мозгов не хватит. И я, черт меня подери, чего не положено – не знаю! Не знаю! Иначе не хочу дослуживать где-нибудь на Диксоне! Но заверяю со всей ответственностью – дело более чем серьезное, и случиться может всякое! Бдеть нам и на море и под... и в небе! Вот так!

Истинно морская душа Рональда Александровича неизменно ставила Морфлот выше авиации... и вообще выше летунов, хоть те и «машут крыльями над мачтами». Впрочем, он признавал боевую организацию и возможности ВВС, а тем более адекватно оценивал угрозу и силу противника, и его главный аргумент на море – авианосцы.

Как там оговорился каперанг Скопин на оперативном совещании перед выходом? – «Мы в одиночку дрались, по сути, против “двух”! Отбились! И пусть практически без звездных налетов авиации... хотя и не без того однажды...»

Но тот же Саможенов говорил, что когда они взяли совершенно «хромого» «Петра» под защиту, окрысившись стволами, РЛС-прицелами, откинув крышки ракетных комплексов, дав

понять, что все «без пошутил», когда в не меньшей степени отличились, превзошли самих себя хулимые всеми палубные «яки»... янки-летчики хвосты поджали.

Поэтому контр-адмирал считал, что основой будет «незаметная, тихая, но крайне напряженная угроза из-под воды... в отличие от воздушной шумихи».

И потому особенно накрутил на полную отдачу всех командиров и начальников служб, несущих ответственность за противолодочный поиск.

* * *

Зная о спутниках-шпионах с инфракрасными системами наблюдения, надеяться, что покров ночи обеспечит скрытный выход 26000-тонного крейсера, можно было лишь отчасти.

А появление такой оравы кораблей в открытом море, формирующих боевой ордер, ведущих внутриэскадренные переговоры, вне всякого сомнения, вскоре будет зафиксировано РЛС и другими средствами радиослежения потенциального противника, как минимум знающего, «куда смотреть»!

– Через час американцы поймут – «у нас начался большой аврал»! – Контр-адмирал Анохин назидательно вышагивал в узостях мостика флагманского корабля. – Через полтора-два крупные засветки тяжелого крейсера и авианесущего «Минска» «набухнут» на экранах радаров дежурных фрегатов US NAVY (с сухогрузами вряд ли спутают). Фрегаты поднимут переполох, сообщив «Папе»... и уже на третьем часу объявятся остальные любопытные!

«Папой» меж собой кодово обозвали «Констеллейшн», который, по данным разведки, несомненно, являлся оперативным флагманом TF-12 (task force) тактического соединения, «работающего» по Камрани. Впрочем, не циклясь на кличках, попеременно употребляя и законное его имя... тем более не допуская вольностей в докладах Москве.

Похлопав по карманам, адмирал извлек сигареты, двинув на крыло мостика, на ходу чиркая, нервно ломая спички.

Снаружи чуть посвежело. Духота сошла. Море было сравнительно спокойно, смолянистую черноту его глади немного рябило легким, загулявшим ветром. Но, похоже, где-то в океане основательно отштормило, докатившись зыбью и сюда – до западной части Южно-Китайского бассейна.

Ночь при полной луне была почти прозрачна, и черный абрис впередиидущего мателота просматривался все еще четко – корабль продолжал удаляться, выбирая необходимый интервал в эскадренном порядке. Это был «подопечный» ТАРКР. Справа от него по траверзу маячил много меньший силуэт СКРа «Грозный», который в составе еще трех «сторожевиков» входил в ближний «круг-коробочку» обороны тяжелого крейсера.

Ночью все кошки серы, но эта загадочная полудневная полувидимость придавала обоим кораблям какую-то странную противоречивую гармонию, скрыв детали, братая их общей боевой сутью, но и подчеркивая величие одного перед другим.

– Какой же он все-таки здоровенный! – вырвалось у кого-то из сигнальщиков, не заметившего появления командующего и тут же получившего в бок от старшины.

– Да уж, – усмехнулся адмирал, докрошив последнюю отсыревшую спичечную серку. – Огонька не найдется?

* * *

Руководство по тактическому маневрированию эскадры предписывало каждой боевой единице свое место в системе обороны, с назначенным сектором ответственности – для наблюдения, оповещения при обнаружении противника, огневого и других воздействий.

Естественно, ордер был хоть и «походный», но не «парадный». Пожалуй, наиболее плотно держались СКРы, опекающие «главный объект» – тяжелый крейсер. Эсминцы дальнего рубежа, как и положено, были «вынесены» на несколько миль.

Тем не менее эскадренных сил и средств было более чем достаточно, чтобы корабли помимо своего сектора ПВО и ПЛО прикрывали соседний, обеспечивая так называемый «перекрыш», исключая «мертвые зоны» в обороне.

Основной противолодочный рубеж в курсовых и фланговых секторах соединения поддерживали БПК. Дополнительно каждый корабль, оснащенный активно-пассивными гидроакустическими системами, вел свою индивидуальную работу, не забывая «сбрасывать» данные на флагман.

* * *

Ночь – ее остаток – обещала быть напряженной, но начиналось как-то без сюрпризов, даже томительно...

...за первый обозначенный командующим час и пройденных 12 миль вьетнамских тер-рвод...

– Что супостат? – Сам того не замечая, контр-адмирал успел спуститься на ГКП⁴⁶ флагмана, отлучиться и снова вернуться.

Сначала оперативный дежурный по эскадре дал конкретные цифры – пеленги, удаление, курсовые углы. Затем уже командир корабля, когда Анохин перешел на более неформальный тон прокомментировал:

– Интересно и смешно было наблюдать, как поначалу ближний «восточный» фрегат, бортовой номер 1050, задержался, что тот Промокашка в «месте встречи»⁴⁷. Сейчас уже медленно смещается по пеленгу к северу, строчит шифром как оглашенное донесение на «Папу». Второй дозорный – фрегат типа «Нокс», определившись с нашим курсом, маячит впереди в тридцати милях.

– Акустики?

– Минимум трижды ловили шумы подлодок, но это всякий раз оказывались наши.

* * *

Второй час согласно графику похода.

Среднюю оперативно-экономическую скорость по эскадре подняли до восемнадцати узлов.

Крейсер управления «Адмирал Сенявин» – на ГКП атмосфера постепенно накаляется, то и дело слышатся доклады операторов и флагманских специалистов:

– СКР «Летучий»! Северо-западный сектор. Контакт с неопознанной подводной лодкой! Координаты... курс... интенсивность! Сопровождает ее в акустическом контакте! К преследованию подключилась поисково-ударная группа малых кораблей!

* * *

Параллельно проходит освещение воздушной, надводной обстановки. Успевают смениться вахта.

---

⁴⁶ ГКП – главный командный пункт.

⁴⁷ Все уже поняли, о ком и чем речь – персонаж фильма «Место встречи изменить нельзя» шпана-урка Промокашка.

Третий неполный час, и оперативный дежурный снова рапортует:

- С «Летучего»! Капитан 3-го ранга Хорьков, доклад: «Условно отработали РГБ⁴⁸ глубинными реактивными бомбами и торпедами. Лодка условно уничтожена!»
- Условно, – ворчит, бормочет контр-адмирал, поглядывая на зама по политической.
- У нас пока не война, – тот в ответ словно оправдывается.

* * *

Четвертый час. За голосами офицеров, жужжанием, попискиванием, пощелкиванием приборов, сквозь стенки-переборки командного пункта проникает восьмикратный бой склянок – четыре ночи по местному.

- Шумы винтов ПЛ внутри ордера!
- Проворонили! – Анохин в полумраке «вспружиненного» комплекса флагманских постов командного пункта сверкает глазами почище аварийных лампочек.
- Контакт потерял!
- Может, это наша? – надеется старший вахты.
- Это какой же ж долбоклюй тогда там? – Контр-адмиралу тесно на КП! Из его сцепленных зубов «же ж» звучит, как пчелинно-жалящее. – Накануне ж расчертили сектора для каждой ПЛ, расписали график прохода эскадры, скорость, курс!.. В конце концов, у них свои «кусты» есть – мы шумим, как стадо, должны ж мать их так-растак держать дистанции!⁴⁹
- В место обнаружения брошена третья поисково-ударная группа: эскадренный миноносец «Вызывающий», СКР-3, МПК-145!

Наглядность всех движений подавалась на оперативный планшет. Обстановку освещал и обзорный радар, что заведено крутил светящую палочку, «подсекая» точки-огонечки надводных единиц-целей... пока своих – в трех милях на «вест» три кораблика рассыпались фронтом, веером, словно растягивая... затягивая поисковую цепь.

- Докладывают! Слышат шум винтов! Классифицируют – атомная! Акустик явно слышал шум реактора.
- Не-е-ет, – ощерился Анохин, – не наша! У нас все дизель-электрические.
- Чужая лодка быстро уходила, набрав полный ход, выпуская имитаторы, экстренным погружением безуспешно выискивая термоклин⁵⁰.
- Уйдет, сукина сволочь!
- БПК «Строгий» запрашивает разрешение на перехват!
- Добро!

На «Строгом» держал вымпел «бригадный» – капитан 1-ранга Сергеев.

Оценив на оперативном планшете эскадренное местоположение БПК, оптимальный курс перехвата, зная боксера Сергеева⁵¹, Анохин не сомневался, что тот подрежет «хвост» флагману, пройдя впритирку по раковине.

Луна нарезала тени, отсвечивая, поблескивая на волнах, контрастно очерчивая угловатое железо корабля.

---

⁴⁸ РГБ – реактивная глубинная бомба.

⁴⁹ Куст – флотское прозвище акустиков.

⁵⁰ Термоклин – слой скачка, слой резкой скачкообразной смены температуры глубинных вод. Имеет свойства отклонять акустический сигнал, тем самым экранировать шумящие объекты.

⁵¹ В. Н. Сергеев в годы офицерской молодости увлекался боксом и был популярным спортсменом в этом виде единоборств, как на Тихоокеанском флоте, так и вообще на Дальнем Востоке. Как правило, побеждал, не доводя поединки до третьего раунда. Заматерев, уже будучи и командиром крейсера, и теперь командуя бригадой, своему дерзкому бойцовскому характеру не изменил.

БПК появился из-за кормы, быстро приближаясь, уже успев набрать форсированные обороты – как бы не все 35 узлов! Нагнав флагман, он прошел всего в кабельтове, подняв бурун, волну, раздирая воздух высоким, по-самолетному визжащим тоном газовых турбин, оправдывая свое название, данное натовцами этому классу кораблей – «поющие фрегаты»!

В течение получаса американскую лодку обрабатывали условными атаками, хлестая акустическими «плетками», окончательно выгнав за линейный барьер – назначенно-условную границу периметр ордера.

Где дальне-рубежный эсминец получил приказ продолжить прессинг.

К делу дополнительно подключился «камов», покидывая буи, долго не отпуская субмарину с «крючка».

Порезвились!

* * *

Восток просыпался, начав розоветь. Еще трижды акустики баламутили приемные посты ложными сообщениями о контакте с неустановленными подлодками.

– Подводный рубеж прошли, – предположил флагманский оперативный дежурный, – мы держим «семнадцать», чтобы нагнать нас, а лучше обогнать, субмарине надо дать как минимум узла на три-четыре больше, что вызовет повышенный шум и сразу ее выдаст.

Командующий согласительно кивнул... немного устало – ночь не спал и, видимо, день тоже не даст отдыху:

– Я поднимаюсь на мостик. Общее действие эскадры нахожу удовлетворительным. Но еще раз проверьте управление и обратную связь с отдельными кораблями. Обратите внимание на слабые места в боевом взаимодействии командных пунктов подразделений. Думаю, с часок будет пауза, а потом прилетят... как солнце покажется. Ночью ж видели – не летали. Остерегаются, наверное – в темноте по неопознанной цели, можно же и схлопотать ненароком. А?

– Ну да, – офицер чуть улыбнулся в ответ и тут же поправился строго по-уставному: – Так точно, товарищ контр-адмирал!

Не через часок, а всего через пол – появился! К тому времени контр-адмирал умудрился слегка прикемарить в походном командирском кресле на мостике. Разбудил его несдержанный матрос, принявший звонок оперативного дежурного с КП:

– Сообщают – ВЦ по пеленгу 45!⁵²

На него зашикали, но Анохин уже встряхнулся:

– Что?

– Воздушная цель – пеленг 45, высота шесть тысяч, удаление 50.

– Разведчик. «Орион»?

И продолжали наблюдать за перемещением самолета. Через каждые две минуты теперь уж присмиривший матрос бубнил, репетуя на мостик данные по «цели», что не торопилась приближаться.

– А чего это он такой деликатный?

«Орион» действительно – в задаче наблюдателя вполне мог зайти в пространство ордера, опустившись до брешущего, кружа вдоль бортов, суя свой нос чуть ли не под клюзы. Единственное, чего избегая – пролетать над самим кораблем: неписаное правило – пролет над палубой приравнивался к пролету над чужой территорией. Которое, впрочем, частенько нарушали

---

⁵² ВЦ – высотная цель.

пилоты истребителей, видимо чувствуя в ручках управления маневренность, а главное мощь и скорость своих машин, полагая себя в безнаказанном праве.

Этот же странный «орион» так и висел в пятидесяти километрах на приличной высоте.

– Это не «Орион», – сделал неожиданный, а скорей обоснованный вывод дежурный офицер, – это «Хокай». А возможно, что «Проулер»!

– Вот черт! – выругался Анохин, сразу догадавшись, что это может значить. – РЭБ и целеуказание. Сообщений от разведки Ту-95 не поступало?

– Никак нет!

– Если «Хокай» по делу, с «Констеллейшина» уже должны были подняться «фантомы»... или «хорнеты» (по всем данным именно эти машины сейчас базируются на авианосце). Вопрос – сколько и с какими задачами.

– Но если от Ту-95 нет сообщений, значит все спокойно? Мы уже...

– Так сделайте запрос! – не дослушав, раздражаясь, приказал Анохин, сам подумав: «Ничто не мешает американцам средствами РЭБ заглушить “медведей”⁵³. И тогда сообщение они смогут передать, только выйдя из-под радиоэлектронного воздействия. А если за “тушками” увяжется “Проулер”, затянуться это может в сотню две полетных километров».

Но ожидаемого самолетного наплыва противника все не было.

«Деликатный орион» оказался... «Орионом».

А с первыми, можно сказать, лучами солнца нарисовалась надводная цель.

«Взял» его «камов» дальнего курсового ПЛ-дозора, определив, как «крейсер УРО», но был вынужден возвращаться на корабль базирования по причине выработки топлива.

– Пусть истребители его как следует облетают – поглядят, что за «гусь» пожаловал, – не спешил возвращаться на КП адмирал, снова жестом стреляя у кого-то из офицеров спички.

В небе как раз просвистела первая четверка «мигов», выше эшеленом чертили инверсионные следы «ту-шестнадцатые».

Раскиданная походным порядком эскадра резала волны – бинокль, мощный визир позволяли увидеть практически каждый корабль соединения.

Море купалось в лучах утреннего солнца, отдавая свою пронзительную лазурь, наверное, больше просящую на свою гладь величавых мачто-парусных красавцев...

«Но и наши серенькие приземистые тоже красивая сила, – выразил потаенный восторг Анохин, – но будет. Долой романтику».

Летуны подтвердили: «кильватер сверху, как направляющая стрелка – супостат идет с норд-оста курсом на сближение», даже сумели зафиксировать бредущим пролетом бортовой тактический номер, что позволило, нырнув в справочник по натовским кораблям, окончательно определиться с классом и названием... вертолетчики не ошиблись.

– Крейсер УРО «Ривз»!

Вскоре его уже «брали» корабельные навигационные РЛС, и командующий законно распорядился:

– Определить элементы движения цели!

Минутой позже «хрюкнуло» в динамиках «Каштана»⁵⁴ – старший группы РТР доложил:

– Начал новый галс! Пересекает наш курс, переходя на правый крамбол... ордера. «Фонит» чем-то, судя по сигнатурам – это РЛС-наведения боевых систем.

---

⁵³ Ту-95 в натовской классификации имеют прозвище «Beag» – «медведь».

⁵⁴ ГГС «Каштан» – корабельная громкоговорящая связь.

– «Чем-то», – передразнил Анохин, – когда уже научатся докладывать старшему только четко проверенные и определенные данные? «Фонит»... что-то этот американский шкип-капитан совсем позабыл о «соглашениях по инцидентам». А ну-ка, дайте мне его сюда на ГКП... на «международных».

Возникла небольшая заминка. Озадаченный офицер долго переговаривался по инстанции, уже переходя на заморские наречия. Наконец до чего-то докричался и подал трубку:

– Товарищ контр-адмирал, американец на связи!

Перл-Харбор.

Штаб ВМФ США

Гавайская должность для главнокомандующего Тихоокеанским флотом США адмирала Сильвестра Фоли по-прежнему оставалась теплым местечком... во всех смыслах: «Хотя будем честными, эта тропическая жара без кондиционера порой просто невыносима».

Удивление и радость, что «не поперли в отставку, с позором, без права...», успели поблекнуть. Зато в Вашингтоне «обрадовали» новыми противоречивыми задачами и навязыванием очередной гражданской шишки.

«Один уехал, – отметил адмирал, имея в виду директора ЦРУ Уильяма Кейси, – другой приехал. Впрочем, цэрэушники рангом помельче остались».

Новый гость – бывший советник бывшего президента уже как-то виденный им издали на одной из высоких встреч в Пентагоне – тогда сразу вызвал антипатию. Тут же забытую, поскольку близко общаться, слава богу, не пришлось.

Сейчас все вспомнилось, сыграв по-новому – кому понравится «сидящий» над головой политический бюрократ, который еще и, судя по всему, чего-то недоговаривает.

«Такая у них, видимо, парадигма – не можешь сказать всю правду, помалкивай на умняке. Как там его? – вспомнил сопроводительный документ Фоли. – “Советник президента по особым вопросам и с особыми полномочиями”?»

Прежде чем прибыть на Гавайи, Бжезинский сумел надавить на какие-то рычаги, свою руку приложило ЦРУ – русским стало беспокойно в Камрани, и они вышли.

– Не факт, что этот вариант лучше, нежели они оставались бы в Индокитае, – и начальник штаба морских операций в тихоокеанском регионе по пункту приводил вполне аргументированные и обоснованные доводы. А особый порученец Белого дома отстаивал свою версию:

– Сам факт – мы оказываем постоянное давление на «красных». Это равносильно тому, как ваши летчики постоянно задирают самолеты «комми»!

– Наши, – мрачно поправлял адмирал.

Бжезинский упрямо поджимал губы кверху, оттого выпячивая подбородок, хищно топорща клюв-нос:

– ...и когда подписывается договор «о предотвращении инцидентов на море и в воздухе», замечу – обоюдный, Кремль облегченно вздыхает – для большевиков это выходит, как наша снисходительная поблажка. Такая, знаете ли, политическая психология... *comprendre*?⁵⁵

– Что? – не понял последнее слово адмирал. – Компрэ?..

Советник махнул рукой, де «не обращайтесь внимания»... но пояснил все же:

– Издержки плотного общения с вьетнамцами. Совместно с господами из Лэнгли обрабатывали варианты заброски на территорию СРВ диверсантов-сайгонцев против русских на полуострове. А у этих мяукающих азиатов... уж очень глубоко в них въелась французская колонизация.

---

⁵⁵ *Comprendre* (фр.) – понимаете.

* * *

Солнце заглянуло на Гавайи чуть раньше, чем на долготу Индокитая и в Южно-Китайское море, но с выходом советской эскадры из Камрани сутки для штаба Тихоокеанского флота, как и для самого Фоли потеряли свой нормированный график.

С нескрываемым интересом, даже с усмешкой просмотрев донесение, адмирал заметно сдержанней озвучил:

– На командира крейсера «Ривз», что оперирует в зоне видимости соединения «красных», вышел их командующий, контр-адмирал, и прямым текстом объявил, что «любой корабль или самолет, берущий советское судно на сопровождение оружиевыми системами наведения, будет немедленно атакован». Это, господин советник, к вопросу договора семьдесят второго года⁵⁶ и вашей настоятельной рекомендации «позадирать» русских. В том числе в послании было подчеркнуто, что в ходе следования эскадры будут проводиться военные маневры с применением боевых средств, поэтому русский адмирал настоятельно рекомендовал кораблям и самолетам других стран не заходить в зону ордера и ближнюю зону эскадры, во избежание...

– Насколько я понимаю, это уже против международных морских правил? – Чуть подался вперед Бжезинский. – Блеф?

– Совершенно верно. Подобные мероприятия подходят под морские военные учения и требуют заблаговременного оповещения и предупреждения по дипломатическим каналам. Должны проходить вне оживленных морских и воздушных путей. Не столько блеф... – адмирал слегка вильнул, – сколько неофициальное предупреждение.

– Но нас подобный демарш устраивает как никогда! Не так ли?

Адмирал пожал плечами, дескать, «да», кнопкой вызывая офицера, чтобы отдать распоряжения.

Столичный гость резко встал и, не прощаясь, направился к двери.

«Точно ему невтерпеж», – мелькнуло догадкой, даже хотелось крикнуть вслед: «Галльон налево!» – это была старая, еще курсантская хохма для таких хлыщей... галльон был «направо».

Еще раз пробежался глазами по шифровке с «Ривза» – полный текст освещать «советнику по особым» он не стал... просто не видел смысла.

Командующий советской эскадрой совсем перегибал палку.

«Как там он выразился? – Фоли отыскал зацепившие глаз строки. – “Глушить рыбу”? В принципе, ничто им не помешает уронить пару глубинных бомб в ордере. Или в ближней зоне. наших ПЛ там все равно нет. Русские показали неплохую напористость и выучку, без эксцессов для себя миновав подводную завесу. Теперь нашим парням, чтобы не быть услышанным, нужно по большой дуге обходить соединение. Это займет немало времени».

Коротко постучавшись, вошел офицер-порученец.

– Соедините меня с командующим TF-12, – приказал адмирал, заметив, что произнес это будто с неохотой – все же считал все эти «задиристые игры» самолетами лишь неплохим поводом размяться парням палубной авиации.

«Если и кусать русских, то исподволь и не оставляя следов».

Южно-Китайское море

«А ведь так идти (когда тебя вываживают, опекают, и ты ни за что не отвечаешь) вполне комфортно», – наслаждался неожиданным покоем капитан 2-го ранга Скопин.

---

⁵⁶ Договор между СССР и США о предотвращении инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ним датирован 25 мая 1972 года.

Стоял на верхней палубе, прислушиваясь к своим ощущениям, внешним источникам, чувствуя, как в надстройку из низов едва уловимо передается вибрация турбозубчатого агрегата, мысленно дорисовывая жаркое гудение паровых котлов.

Вода дыбилась из-под форштевня, шипела вдоль ватерлинии, клокотала за кормою – крейсер проходяще глотал мазут и мили.

Два впередиидущих теряющихся в ночи СКРа помаргивали-перемаргивались ратъерами... в дополнение к другим незримым эскадренным привязкам.

Ветер не только освежал море, что крылось равномерной рябью, но и щекотал кожу, трепал волосы, задувал, забираясь под форменную «тропичку».

В небе улыбался народившийся криворотый полумесяц (перевернутый чуть вбок), царапались колючками звезды.

Оценил, поулыбался в ответ, провел ладонью по народившейся колючке-щетине – мы, если что, тоже могём.

«До Владика две с половиной тысячи миль. Минимум три дозаправки мазутом – в Южно-Китайском через тысячу кэмэ, вторая после Тайваня в Восточно-Китайском. Самое узкое место в Корейских проливах. Интересно – каким пойдём? Пусанским? Нет, наверняка Цусимским. Блин, у штурмана даже карт своих нормальных не осталось – выданы новые советские. Все лихоимцы забрали – и вахтенный журнал, и все штурманские прокладки от самых Фолклендов, все уехало в Москву. Секретные».

Повторяясь...

Часть корабельных офицеров-спецов с «Петра Великого» укатило вместе с «железом» в Союз.

Добавить к этому израсходованные, расстрелянные «форт», «гранит», «кинжал» и снятую радиоэлектронику других боевых систем – состав и организация БЧ крейсера свелись к минимуму. Матросов-то понятно – вдоволь, а офицерские наряды пришлось переписывать по-новому: кто будет стоять дежурным по кораблю, кто – вахтенным. Кто в БИЦ, кто по оставшимся (уцелевшим) боевым частям. Словом, кто в лес, кто по дрова.

Камранское стояние закончилось неожиданно. Вышли в море, взятые под плотное обеспечение.

«Будто на веревочку и бантик сверху повязали», – кто сказал? Да вроде бы штурман. Но с штабными на «Сене» (так КРУ «Адмирал Сенявин» называли) уговорились, что оперативную обстановку по внутриэскадренной связи на «Петю» все же будут скидывать. А иначе как? – «Раздетый» ТАРКР, конечно, уже не мог считаться полноценным боевым инструментом... но что есть, то есть – законный участник походного движения со своими средствами наблюдения, вполне себе интегрированный в эскадренную оборону.

По крайней мере, подкильная гидроакустическая станция крейсера была в деле.

Отдельный канал связи был у полковника КГБ – свои шуры-муры через ЗАС-аппаратуру⁵⁷, напрямую и непосредственно с самой Москвой. «Чекисты» еще и вохру всю свою на борт впихнули... с автоматами, пистолетами.

Скопин напрямую подошел к главному:

– Вы нас что – расстреливать будете, если угроза захвата или ко дну пойдём? Или когда будем в устьях проливов около Кореи проходить – дабы пресекать попытки махнуть за борт вплавь?

Полковник на такую прямоту даже не изменился в лице, видимо, уже понял, что «тут ему не там»:

---

⁵⁷ ЗАС – засекреченная связь.

– Желательно, чтобы никого постороннего и лишнего на палубе в сомнительных ситуациях не было. У меня приказ.

В общем, вышли в море.

И пока определилось, установилось эскадренное построение и место «Петра»...

Пока оно еще, если честно, скребло кошками (оглядываясь на недавние бои в Филиппинском море – «ща как начнется, только успевай отмахиваться!»), Скопин и не думал сменяться – продолжал тянуть командирскую лямку на мостике.

Со всей ответственностью.

Естественно, и как положено соответствующий инструктажный «накрут» был устроен вахте и всему экипажу... хоть боевая готовность и держалась по номеру «два».

И мух, надо сказать, не ловили! Бдели, чем было, и тем, что работало!

И первыми установили эхоконтакт с неизвестной подлодкой, пробравшейся прямо в ордер.

– Вода сложная⁵⁸, но мы взяли! – Рдел гордостью лейтенант с центрального поста АГАК⁵⁹. – Гражданский «полиномщик», заводчанин из Союза уверяет, что наш комплекс круче, «шагнувший вперед» по режимам разным и вообще...

– Верю, – сохранял снисходительность Скопин, – зачет! Скиньте наводку на СКР сопровождения, пусть дальше по инстанции дают.

И без того ребята протабанили⁶⁰, так хоть тут от контр их адмирала втыков меньше будет. А так – и ты молодец, и эскорт тоже будет молодец.

В остальном шли без дерганий, спокойно оттопав остаток ночи.

Вахту «врио» все-таки сдал, но «отбиваться» не спешил, самому было интересно – «что день грядущий нам готовит»!

А чтоб не путаться под ногами да не смущать никого на «ходовом», вышел на «правый сигнальный». Потягиваясь, позевывая, отправив вестового за кружкой бодрящего, да побольше.

Утром дали по эскадре «семнадцать» – «Петр» рассекал зеленоватые воды Южно-Китайского моря, только дым из трубы!

Утро (пока еще не припекало) выгнало наружу на палубы всех причастных и непричастных, в смысле несших службу и не очень.

Корабль оживал... правильной – оживлялся.

Кофе все не несли, зато неожиданно наверх забрел (вот уж штатское беспечное племя, боцмана на вас нет) тот самый «кадр», что в состоянии эйфории под действием животворящего классического «шила» устроил заплыв «на потеху» ППДО и остальным переполошенным. Видно, заперся на «ходовой» – искал его (врио командира), ему и указали на дверь.

Кстати, оказался он тем самым спецом-«полиномщиком» из «Морфизприбора»... И явился далеко не праздно... Но сначала деликатно предложив закурить...

Закурили. Почему бы нет.

С «сигнального» вид на корабль был и вперед и в корму.

Доцент все чего-то пялился, пялился, молчал, тянул, мялся... наконец стал вопросы задавать:

– Андрей Геннадьевич, все забываю спросить. Я ведь на «Кирове» – прародителе вашего, бывал, и не раз (системы по нашему заводскому профилю устанавливал)...

---

⁵⁸ «Вода сложная» – имеется в виду более сложная для акустических средств слежения гидрология тропических морей.

⁵⁹ АГАК – автоматизированный гидроакустический комплекс.

⁶⁰ Протабанить (*флотский жаргон*) – прозевать.

«Надо же, какой выдрессированный в секретном НИИ, – мелькнуло у Скопина, – “системы по профилю” и не более... даже тут не оговорился».

– ...а у вас корабль, конечно, иной, – продолжал инженер, – вот я помню на носу «Кирова» штука такая стояла. А тут отсутствует.

– Где именно?

– Вот там, в носу за ракетной палубой.

– На баке, – понял кавторанг, – на «Кирове» там «Метла» торчала⁶¹. У нас поновей оружие – «Водопад», расположен не на открытой палубе, а во внутренних.

– Вот-вот, поновей, – явно завелся инженер, – комплекс «Полином» на вашем корабле... он обладает рядом характеристик, отличных от тех, что сейчас освоило наше НИИ. Связано это с другим программным обеспечением автоматизации. Но в наших интересах есть еще фактор! Сейчас в этих тропических водах... хм, мы у себя в лабораториях таких уникальных условий «на живую» не повторим. Хотелось бы провести ряд тестовых работ на разных режимах, снять показания. А ваш лейтенант отказал, сославшись...

– Простите... вас Вадим Яковлевич, насколько помню?

– Да.

– Так вот, Вадим Яковлевич, если старший группы акустиков говорит, что лучше не надо, стало быть, не надо! Воздержимся от всяких экспериментов. Мы не на прогулке.

– Понимаю, – неожиданно легко уступил инженер, пробормотав: – Черт, но попробовать я должен был. А когда будем во Владивостоке? Как пойдем мимо Тайваня?

«Ну-ну, ты бы об этом у особиста поспрашал, на радость его подозрительности», – снова с усмешкой брякнуло в голове Скопина. Вслух же совершенно несерьезно:

– Это вам к штурману. У него прокладка.

– Какая прокладка?

В этот момент в небе сравнительно низко ревуще просвистела пара «двадцать третьих» «мигарей», принужденно отвлекая – головы задрали дружно вверх, провожая взглядом.

– Карта прокладки курса. Не путать с женской гигиенической! – Голос немного еще тонул в самолетном уходящем, поэтому Скопин не сразу понял – кто произнес, и удивленно уставился на представителя советского ВПК: «Это мы все жертвы рекламы, а этот-то откуда взял?»

Оказалось – не «этот». Оказалось – на мостик выткалась фигура Харебова! Фигура подозрительно прямая, что являлось первым признаком – майор не совсем трезв (дескать, держу марку, чеканю шаг):

– Всем утро добр-р! А я тут, понимаешь, бездельем томим...

– Товарищ командир, – прервал высунувшийся наружу из «ходового» матрос, – «трюмачи» на БИЦ доложили, что «семнадцать» не тянут.

– А я вам за каким х... – вспылит капитан 2-го ранга, – я вахту сдал, сами решайте. Есть пом!⁶² Есть оперативный дежурный! Решайте!

– Так там думали...

– Всё, я сказал!

Матрос нырнул обратно. За всем этим как-то совсем незаметно, извинившись, ретировался и гражданский. Просвистела по ушам вторая пара «мигарей». Оказывается, выше в небе давно чертит белые полосы пара «ту-шестнадцатых».

Ближайший на скуле СКР чуть сбавил ход на сокращение дистанции, дав двойной гудок, высыпав череду сигнальных флажков.

И наконец, вернулся с заказанным (целым кофейником) вестовой.

---

⁶¹ Ракетный противолодочный комплекс «Метель».

⁶² Пом – помощник командира.

– Будешь? – предложил старпом Харебову, уже собираясь матроса за второй чашкой гнать...

– Не надо. У меня свое, – майор деловито отвинтил крышку фляжки-нержавейки. Увидев осуждающий взгляд, стал оправдываться: – А я чё?! Я ничё. Я нормально.

Успев прихлебнуть кофе, Скопин отмахнулся, облокотившись на деревянную накладку планшира.

Оставшегося безлошадным майора понять можно. «Камовы» чуть ли не первыми «уехали» в Союз, с техниками, бортинженерами. А Харебов кто? – простой пилотяга! Пусть и не совсем простой.

И ангару вертолетному от «гарпуна» досталось – там не покукуешь. Вот и слоняется.

– Вижу, что ты на ногах, – выпитый горячим кофе бросил в испарину, – но все равно на личный состав действуешь разлагающе. Сидел бы в каюте...

– И пожалуйста, при всем удобстве! И катись оно все к черту! Да что-то меня в последние дни выцарапывает. Такое впечатление, что мы уже вечность назад перенеслись в Южную Атлантику и всю эту мать ее вечность брели море-океаном, сражались, снова плавали-летали, дубасили-получали. И конца и краю этому...

– Событийность, – попытался найти объяснение Скопин, – очень насыщено: на события, на смену мест, на происшествия. Сам подумай, сколько всего произошло всего-то за пару-тройку месяцев. Блин... провокатор чертов, что там у тебя?

– Как что? «Шило»! На апельсиновых корочках, честно заработанных на аргентинской службе. Ты ж все равно в подвахте. На сон... хлебнешь?

– Чуть-чуть, – подставил опустевшую чашку. Оговорка об «аргентинской службе» сразу напомнила, как на премиальное золотишко целая специальная бригада «фиников»⁶³ приехала – взяли пробы, взвесили-перевесили, составили акт, все под опись.

«Интересно, нам (экипажу) хоть краюха перепадет?»

– Пока до Союза идем, пока в море – последние денечки на воле, – разливая, между тем приговаривал, как баюкая, Харебов, – а вот когда дотянем наш пепелац на Плюк...

– На Плюк? А-а-а... «Кин-дза-дза»!

– Ага. И судя по нашим особистам и прочим слугам партии, Плюк нам светит еще тот. И «ку» партсекретарям на раз-два-три присесть придется. Зуб даю, во Владике опять заявятся: парторг, комсорг, замполит. Все на подбор! Черт! А может, мне веру поменять? В смысле в партию вступить?

– На хрена? – Кавторанг сразу и не понял, что майор прикалывается.

– А чтобы был ресурс для наказаний. Вас, непартийных, когда накосячите, чем бичевать? Нечем! Отрезанный ломоть! Диссиденты! А на мне – вся партийно-воспитательная работа, полный набор: сначала замечание, следом выговор, затем снятие выговора, снова замечание по партийной линии! Пристыдят, пожурят, попеняют отобрать билет члена КПСС. А в конце, когда уж совсем потеряют надежду, любовь и веру... в мое стремление к светлому будущему, торжественно и сурово в назидание другим, наконец, отберут! И я уже не член! Гы-гы!

– Да ну тебя! Расписал, блин. Достаточно, что полкан-особист о нашем моральном разложении доложит куда надо.

– Особисты не наши и нам не указ. Да и плевать им на нашу «демократию»⁶⁴. На них больше висит секретность и предотвращение утечки.

– Ладно, давай уж, а то греем, – Скопин с сомнением глядел на содержимое чашки – пить, не пить?

---

⁶³ «Финики» (*флотский жаргон*) – офицер финансовой службы.

⁶⁴ Слово «демократия» на флоте употребляется как показатель низкого уровня дисциплины и исполнительности.

– У меня тост! – Майор поднял свою фляжку. – Чтоб не болеть!!! А если и... то от такой болезни, от которой самое лучшее лекарство – это рассол!

Выпили.

Нарезав большой круг, «миги» резво кинулись в восточном направлении.

Оборвав инверсионные следы в верхних слоях атмосферы, меняя эшелон, в дело вступали Ту-16.

Зная, что оттуда, с востока скорей всего, появятся незваные гости, Скопин вглядывался, жалея, что не прихватил с собой бинокль. Пробормотав, между прочим:

– Интересно, что там нам со «сторожевика» дудели и «набор» меняли, не разобрал?

Оглянулся – стриженная башка вестового все еще торчала в дверях на стреме и на подхвате:

– Боец (фамилия вылетела из головы), узнай – чего там нам «Грозный» сигналил?

И снова смотрели в небо (старшина сигнальщиков уступил бинокль). Там упорядоченной россыпью появились новые персонажи – мелкие точки-насекомые.

Отличить снизу было практически невозможно, тем более на удалении по горизонту, но все говорило о том, что красноразведные самолеты стараются теснить белозвездных от ордера.

– Мало наших, – Харебов шурил зоркий пилотский глаз, хмелюга в нем играла. – Вот! Надо организовать подкрепление. «Боевых бакланов»! Тебе налить?

Скопин покосился на майора, сразу не врубившись в шутку⁶⁵. Но юмор не поддержал. Как и не поддержал «по второй»:

– А ведь дело там наверняка назревает нешуточное.

– Тащ командир, – выскочил, потеряв пилотку, сверкая белобрысым ежиком стрижки, вестовой, – докладываю: «сторожевик» поблагодарил, что мы «поделились акустикой» по атомной ПЛ. Флагманский контр-адмирал «открытым» штатовцам выдал, что шутить со взятием на боевую сопроводилровку не намерен – без разговоров будет атаковать! Амеры ответили тем же. У нас тоже на всякий случай предупреждающие бирки в стрельбовых постах повесили – чтоб никто сдуру облучение не воткнул.

– Тю-ю, – протянул Харебов, – а чем там нам вообще пулять? Скорострелками «кортика», да «стотридцаткой»⁶⁶.

– Тем не менее, – сдержанно возразил Скопин, – а ты... шел бы ты, милок, баиньки.

* * *

– Цель воздушная, групповая, высотная, скоростная! Пеленг 110, дистанция 180, расчетное подлетное время – 10 минут!

Доклад дежурного поста ПВО на флагманский командный пункт «Адмирала Сенявина» никого врасплох не застал. Появление самолетов потенциального противника ждали. Знали, где примерно «топчется» АУГ, а американцы, видимо, и не думали лукавить – появились с восточного пеленга. Впрочем, допускалось, что это не все визитеры – что-то могло приближаться незаметно на бреющем, да и с любого ракурса.

---

⁶⁵ Советская военно-морская байка – пойманной чайке рисуются на крыльях красные звезды, и злобная (во время процесса пернатая тварь орет дурным голосом, щелкает клювом, обильно и прицельно гадит) птица отпускается на волю пугать супостата.

⁶⁶ АК-130 – артустановка.

– Дайте на «миги» целеуказание, пусть они «перехватят» их на максимальном удалении, – распорядился начальник штаба (сменил «отбившегося» контр-адмирала). – «Орион» все еще в зоне?

– Так точно. Мы тут гадали – чего здесь делать базовому патрульному самолету с противолодочной специализацией... летчики «мигов» уверяют, что этот «Орион» в варианте EP-3B.

– Что за птица?

– Переоборудованный под радиоразведку.

Деликатный «Орион» так и не стал подходить близко к ордеру, оставаясь и на достаточной высоте. Фиксировали работу его РЛС, других излучений, но когда он стал вести интенсивные кодированные радиопередачи, пристроившийся эшелонем выше Ту-16П (самолет РЭБ) начал глушить и подавлять передатчики.

* * *

«Перехват» «миги» осуществили без затей, подойдя на малой высоте, изобразив маневром атаку, впрочем, вовремя встреченную.

Встречала шестерка палубных F-18 «Хорнет» (F/A, если по правилам – истребитель-штурмовик). Машины новые, их еще не успели по-петушиному размалевать – лишь положенные опознавательные знаки, бортовые номера, надписи «NAVY» на фюзеляже и код «NF» на киях.

Среди «хорнетов» затесалась совсем уже редкая птица – «Крусейдер»⁶⁷, предположили, что это самолет видовой фоторазведки RF-8G. И скорей всего не ошиблись – «крестоносец» держался особняком и выше – в позиции удобных ракурсов для объективов.

Довершив вираж, «миги» пристроились в стороне, уравнивая скорости.

Пилоты «палубников» не возражали, резких движений не совершали.

Шли не крыло к крылу, но довольно близко – видны были головы пилотов.

Обычно американцы вели себя... в общем, по-разному вели: могли пальцами гадости показывать и гримасничать, могли зубоскалить и прикладывать к остеклению фонарей голых теток из порножурналов. Сейчас же все держали морды «кирпичом». И даже оружием не бряцали – не становились на крыло, нарочито выставляя подвески. Что наводило на нехорошие мысли... о чем было доложено вниз на «Сенявин».

С флагмана советской эскадры американских пилотов открытым каналом предупредили, что воздушное пространство над ордером является запретным.

Те отмолчались, однако точно в отместку начав крутить хороводы.

«Миги» держались поодаль – «четыре» против «шести плюс один» сомнительный контроль.

«Хорнеты» медленно наращивали темп.

* * *

Так или иначе, БГ (боевую готовность) по эскадре сохраняли на прежнем уровне. Данные объективного контроля наносились на планшет ПВО, анализировались флагманскими специалистами, поступая оперативному дежурному и непосредственно на КП. Повода объявлять боевую тревогу пока не было, обе стороны соблюдали условия, не провоцируя системами наведения.

---

⁶⁷ Crusader (англ.) – крестоносец.

– Поддерживать оперативный режим ПВО, – разошлось с флагмана по сети, – наблюдать, держать в режиме кругового обзора! Базовому воздушному прикрытие действовать согласно поставленной задачи. Палубные «яки» ТАВКР «Минск» – в готовности № 2. Дежурная пара – в режиме ожидания.

В небе

От подвесных топливных баков избавились после первых же выкрутасов на виражах – командир звена приказал «под мою ответственность», зная, что зам по ИАС⁶⁸ будет ныть за утопленную матчасть, грозя вычесть с зарплат.

При численном перевесе противника говорить о «завоевании превосходства в воздухе» было просто наивно, а тут еще и этих три – один под брюхом, два крыльевых бака-пилона... «миг» будто беременный.

Ерунда это, конечно, с «вычетом из зарплат»... все всё понимали и действия летчиков являлись обоснованными, но техникам-спецам теперь предстоит паять оборванные разъемы, а потом тратить время на проверку выработки и сигнализацию.

Опустошенные серебристые емкости, кувыркаясь, полетели вниз, быстро темнея в размеры пропадающих точек.

Даже сверху, заглядывая вниз через остекление фонаря, креня машину влево-вправо, сразу всю эскадру охватить было проблематично.

На синеве моря не столько заметны серые силуэты кораблей, сколько бросались в глаза белые дорожки кильватеров:

...вынесенных на дальний рубеж ордера эскадренных миноносцев...

...буравящих воду БПК, ведущих противолодочный поиск в своих секторах ответственности...

...ядро соединения представлял «главный подопечный» – тяжелый крейсер, окруженный «коробочкой» СКР (сторожевых кораблей)...

...отдельной «опорой» эскорта шел с охранением «Минск», заставленный взлетно-палубными букашками «яков» и «камовых»...

...уже позади держался крейсер управления «Адмирал Сенявин»...

...и совсем в кильватерном хвосте тянулись два судна снабжения.

Где-то в глубине скрывалась россыпь подводных лодок, периодически акустически «отмечающихся» на командный пункт флагмана – но это летчик первого класса Павел Беленин уже додумывал, зная, что так оно согласно плану «...перехода ОБК 17-й ОпЭск из ПТМО Камрань в п. Владивосток»⁶⁹.

«У подплава так же, как и у нас, подводный пилотаж в трех координатных осях, – пришла неожиданная мысль, – только не так... представляю, каково оно – в кромешной темноте, в тягучей плотности воды. А вот надводники бодаются лишь в горизонтальной плоскости».

Было видно, как ближайший, вынесенный на правый фланг эсминец идет буквально ноздря в ноздю с штатовским фрегатом.

Независимо от того, что американцы будто бы приняли условия, выдвинутые командующим советской эскадры, свои «дурные манеры» проявляли во всей красе!

Эдакая общая военно-политическая установка – показать всем, что США в данном регионе доминирует, и при надобности US NAVY смогут подавить любого противника («надерут задницу» – это так по-американски)!

---

⁶⁸ ИАС – инженерно-авиационная служба.

⁶⁹ «...перехода отряда боевых кораблей 17-й оперативной эскадры из пункта материально-технического обеспечения Камрань в порт Владивосток».

«А еще здесь явно “играет” извечное соперничество самцов, в данном случае летчиков-истребителей».

«Хорнеты» находились на одном эшелоне, накручивая круг за кругом, словно присматриваясь, примеряясь... когда вдруг некоторые высказывали из такого роя, обозначив намерение захода в зону ордера!

«Показать яйца!» – вылезла откуда-то американская идиома.

В наушниках хрипнуло – командир звена... Беленин отреагировал переводом взгляда на левое крыло.

«Ага! Пауза у “шершней” закончилась!»⁷⁰

Из строя хорошо заметных на фоне моря белых крылатых фигурок, что являли из себя штатовские «палубники», две вывалились, с переворотом со снижением ускоряясь – направление их полета пока было неявно, но кого обманешь...

Этих двух «перехватил» командир звена со своим «ведомым», уже погодя чуть вымученным перегрузкой голосом прокомментировав в эфире:

– Шустрые твари на вираже... мы не дотягиваем!

Всего полгода назад пересев с «сушек» на «миги», капитан Беленин сразу почувствовал разницу, оценив несомненные тактические достоинства «двадцать третьего» – при любом виде маневра он теряет меньше скорости... и некоторые, скажем так, особенности – его надо было «приручать»!

В полку, еще на «большой земле», всем летным составом неизменно подробно разбирали весь чужой опыт, все, что «вынесли» другие пилоты в столкновениях с самолетами противника: с уже известными многофункциональными «фантомами», штурмовиками «корсарам» и «скайхоками», с тяжелыми перехватчиками «томкэтами». Американские самолеты, как правило, за счет лучшей радиотехнической оснастки имели преимущество на дальних дистанциях.

А вот эти новые «эф-восемнадцатые» (теперь весьма узнаваемые машины с вытянутой носовой частью, характерным наплывом перед корневыми частями крыла, двумя в развал киями) оказались более чем непростым соперником и в ближнем бою. Условном бою.

По угловым скоростям разворота «миг» уступал «шершню»... несмотря на крылья-раскладушки, минимальная стреловидность которых могла обеспечить самое высокое аэродинамическое качество. Могла, если бы не ограничение по перегрузкам. Впрочем, пилотаж и воздушные бои оптимально рассчитывались на положении 45 градусов.

А вот скоростной перехват со сложенными на 72 градуса плоскостями был безупречен.

На вертикалях «двадцать третьему» было легко догнать... и проще оторваться, буде такая надобность.

Пара, возглавляемая командиром звена, удачно отработала именно в этом ключе – «атаковав» в пологом пикировании, кратковременно «наметив» захват цели!

И если пуск ракет был бы совершен, и они настигли бы цель – «хорнетам» хана!

А так американцы, получив свою долю условных звиздюлей, выразили и уже сами поймали «хвосты» русских.

И тогда уже на панели приборов «мига» взвизгнуло сигналом СПО⁷¹, блымнув красным огоньком, оповестив: «тебя облучали РЛС!»...

Впрочем, прижав крылья в максимальной стреловидности, «двадцать третьи» командирской пары, накоротке, малой высотой на форсаже легко оторвались. В таком режиме практически любая другая машина попадает в болтанку, вынимая к чертям душу из пилота... и «хорнет» «сдулись», потянув вверх на исходную!

---

⁷⁰ Hornet (англ.) – шершень.

⁷¹ СПО – станция предупреждения об облучении.

– «Фланкер», – вызвал «ведомый» Беленина, – наша «пара»! «Завернем» их?
– Перехват! – коротко отреагировал капитан, бросая истребитель на крыло, двинув РУД⁷².

От американской группы отделилось еще две машины.

«Почти по-спортивному, – пришло выдавливаемое небольшой перегрузкой соображение – заокеанские пилоты, задирая насками, будто бы играли, не пытаясь использовать численное преимущество, – двойка на двойку. Даже странно немного».

В этот раз американская имитация захода в воздушное пространство ордера была именно что имитацией – две отсвечивающие серо-белым «птички», явно не желая получить «условного обстрела», сразу бросились в крутой вираж...

Черта с два! На несколько секунд их все же удалось поймать в «сетку».

Выполнив свое «черное дело», Беленин и «ведомый», вжатые в кресло, уходили практически над самыми волнами – только пыль водяная от спутных струй! И даже СПО не отреагировало – так все прошло скоротечно.

– Они тренируются! – Голос «ведомого», когда уж выскочили на четыре тысячи.

– Что?

– Учатся на нас.

«А ведь действительно! – наконец тоже понял Беленин. – Вот откуда их “спортивность” – пробуют силы, свои и наши. Для них это опыт новейших “палубников” с реальной тактической угрозой – МиГ-23. Как для нас обратное. И “Крусейдер” эшелонем выше ведет свою кино-съемку-фиксацию».

– Они наверняка знают ТТХ наших машин, знают, когда мы перестанем дотягиваться топливом с базы на прикрытие, – продолжал по рации «ведомый», – вот тогда на морячков и насядут. А сейчас резона нет.

– Меньше болтайте, – донеслось строгое командира звена, – у нас еще двадцать минут. Второе звено на подходе. Вероятно, с ними будут «туполевы» с заправщиками.

* * *

Перегоночная дальность Ту-16 позволяет выполнять полет Хороль – Камрань⁷³ (или обратно), обходясь одной дозаправкой в воздухе... сейчас в режиме барражирования над ползущей (по меркам авиации) эскадрой эти далеко не простые операции необходимо было проводить неоднократно.

Потребность дозаправки определялась по факту выработки топлива и общей обстановки с оглядкой на активность противника. А также оглядываясь на метеоусловия.

Экипажи первой пары «туполевых» сообщили на базу о норме расхода, наличии резервов:

– 415-й. Топлива 18 и 6. На две тонны больше расчетного.

– 413-й. На борту 20. В пределах нормы.

– Радио передал, «квитанцию» получил, – доложились ВСРы⁷⁴.

И там, в полку, в Камрани с вылетом второй группы обеспечения повременили... экипажи в кабинах, двигатели запущены – свистят на малом прогоне, наземный персонал проводит

---

⁷² РУД – ручка управления двигателем.

⁷³ Аэродром Хороль (Приморский край) – место базирования полка дальней морской авиации.

⁷⁴ ВСР – воздушный стрелок-радист.

повторную проверку. Техникам возможность оббежать самолеты по второму, третьему разу, знают – не вернется, не сядет «борт», сядут сами.

* * *

Успела планово смениться очередная дежурная четверка «мигов», выбрав квоту топлива, уйдя в сторону Вьетнама.

Вскоре провели ротацию и американские «палубники». Лишь «Орион» продолжал висеть, буквально паря на двух двигателях, пилоты удерживали машину на пределе скорости сваливания – чуть больше 230 км/ч.

Опекавший американского разведчика Ту-16 попытался походить с ним рядом, но какое там...

– Командир, не чуди! – Голос штурмана в СПУ⁷⁵. – При полете на «потолок» допускать скорость менее 320 категорически запрещено. Забыл?

Серебристый «туполев» пошел на круг, «Орион» остается за хвостом.

– Вот уж тихходная бочка с топливом! – ругается сидящий в кормовой гермокабине стрелок-радист.

– У него перегоночная дальность с полной заправкой больше восьми тысяч, – поясняет штурман, – он сейчас использует все свои возможности барражирования – зафлюгирован на двух двигунах, и попомни мои слова, будет вот так ползать до самого вечера.

---

⁷⁵ СПУ – самолетное переговорное устройство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.